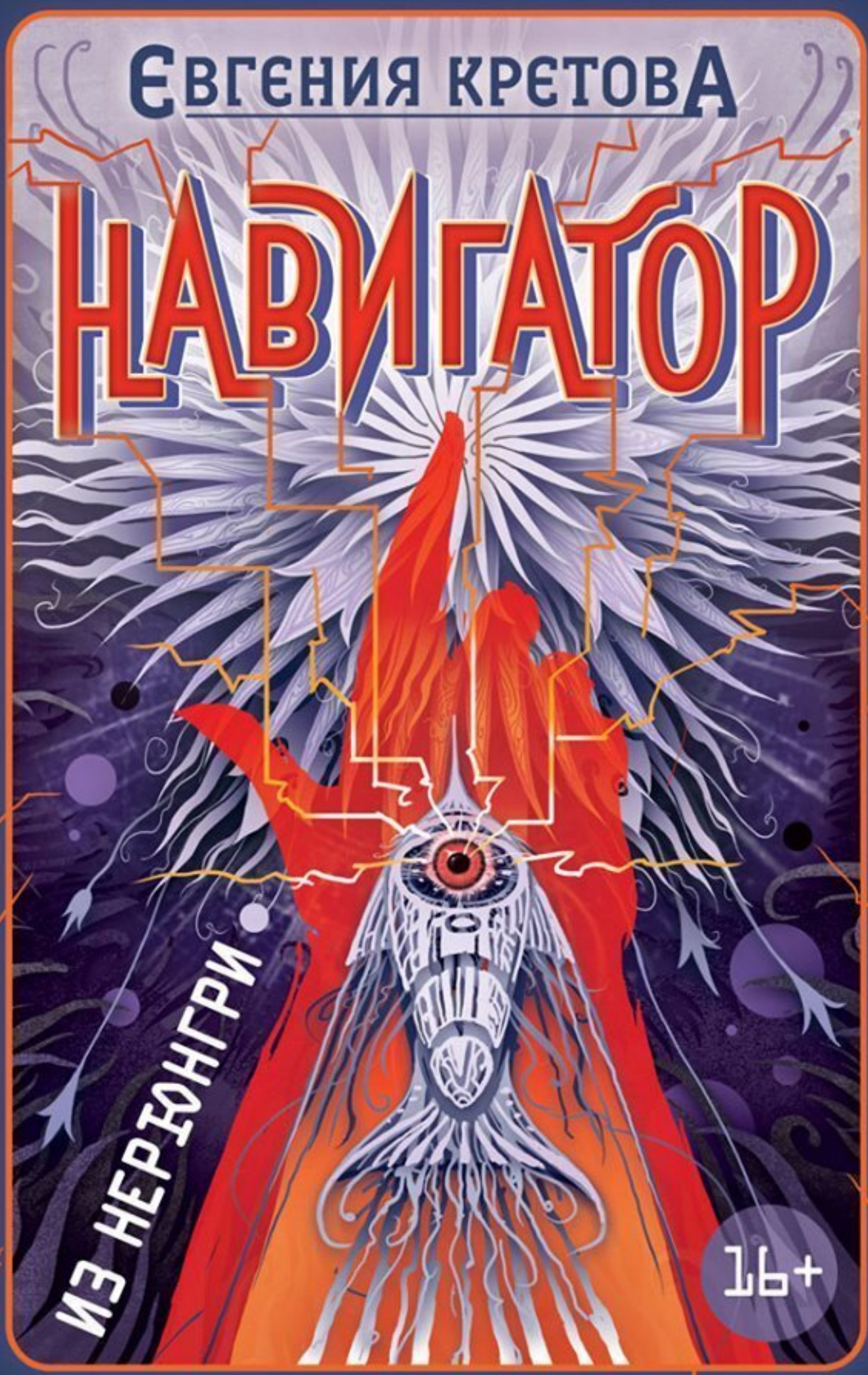

ЕВГЕНИЯ КРЕТОВА

НАВИГАТОР

ИЗ СЕРИИ «ИЗ НЕРЮНГРИ»

16+

Навигатор

Евгения Кротова

Навигатор из Нерюнгри

«Евгения Кротова»

2018

Кротова Е.

Навигатор из Нерюнгри / Е. Кротова — «Евгения Кротова»,
2018 — (Навигатор)

Не пройдя тестирование в лётное училище, Ульяна возвращается домой, где её ждёт уведомление о зачислении в Академию Космофлота. Прилагаются авиабилеты и подробная инструкция. Будучи уверенной, что это глупый и не очень добрый розыгрыш, девушка всё-таки отправляется в назначенное место. Прибыв на отдаленную космическую станцию, она оказывается в эпицентре криминальных разборок: похищение посла, таинственного груза с маркировкой Сигма. Её жизнь не стоит и гроша. Её стремление выжить ломает все преграды. Тем более, когда за спиной друзья, любовь и родная планета. Мир, о котором вы не знали, ждёт вас. Оформление обложки: Ольга Закис.

Содержание

Глава 1. Институт мерзлотоведения	5
Глава 2. Вводный инструктаж	12
Глава 3. Совещание	16
Глава 4. Тайна в действии	20
Глава 5. Тамту	26
Глава 6. Экскурсия	31
Глава 7. Первые лекции	36
Глава 8. «Звездный прилив»	40
Глава 9. Цена ошибки	44
Глава 10. Важный день	49
Глава 11. Выбор без права выбора	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Евгения Кретьова

Навигатор из Нерюнгри

Глава 1. Институт мерзлотоведения

1

12 июля 2018 года

Тусклое утро окрасилось белым: в Нерюнгри выпал июльский снег. Выщербленный после прошлогоднего ямочного ремонта асфальт потемнел и нахмурился. Закрывавшие горизонт сопки нахохлились, подставляя неурочным осадкам горбатые спины. Что называется, лето было, но я в тот день работал.

Ульяна перехватила заколкой огненно-рыжие волосы и заварила крепкий кофе, черный и горький, как ее мысли. Холодными пальцами обхватила кружку, уставилась на середину стола. Там, на самодельной кружевной салфетке, лежал вскрытый накануне конверт. Рядом с ним – развернутый электронный авиабилет из Нерюнгри в Якутск и приглашение.

Девушка еще раз протянула руку к плотной желтоватой бумаге, погладила шероховатую страницу.

«Уважаемая Ульяна Аркадьевна! Счастливы сообщить, что Ваша кандидатура одобрена для зачисления в Академию Космофлота на факультет сенсорной навигации. Ожидаем Вас по адресу: г. Якутск, ул. Мерзлотная дом 36, кабинет 15 в 18 часов 03 минуты 13 июля 2018 года. С собой можно взять личные вещи. Все необходимое для учебы вам будет предоставлено в рамках материального обеспечения курсантов». И неразборчивая загогулина рядом с подписью: «Директор академии, К. Циотан».

– Весело, – пробормотала Ульяна, придвигая к себе конверт и разглядывая эмблему: осьминог в кольце звезд.

Всезнающий поисковик оказался бесполезен: он знал о навигаторах ресторанного бизнеса и курсовых операциях больше, чем об академии. Сенсорная навигация туманно вводила в зону IT. Слово «Космофлот» цепляло и наталкивало на мысль о ВУЗах в структуре Минобороны.

Ульяна набрала номер. Навязчивая песенка на короткое время отвлекла от тревожных мыслей.

– Алло, – сонный голос в трубке.

– Здорово, Жираф, дрыхнешь ещё?

Сопение и протяжный вздох:

– Чё те надо, Рогова? Семь утра, блин. Я только лёг... Разница во времени, чтоб её.

Ульяна плотнее укуталась в пижаму и подтянула к себе ноги: из-под балконной двери нещадно дуло. Жираф, или Василий Ерохин, её сосед по парте с далёкого 2005 года, когда их, доверчивых желторотиков, предки привели в гимназию и сдали на поруки голубоглазой Ольги Ивановны. Васька был отличником, школьным стипендиатом, бессменным обитателем доски почёта и славным занудой, до которого шутки одноклассников доходили как до жирафа. Сейчас он студент третьего курса Питерского госуниверситета на каникулах.

– Вась, ты же всё знаешь. Скажи, в Якутске лётная академия есть?

– Нуу, там лётный колледж есть, – протянул Василий, зевая, – филиал Питерского ГУГА...

– Не, мне академия нужна, – прервала Ульяна.

Василий ещё раз отчаянно зевнул и отмахнулся:

– Такой не знаю.

Значит, академии нет – Василий бы знал. Странность номер раз.

Странность номер два – адрес. Мерзлотная, 36 – это Институт мерзлотоведения. Спутать нельзя – она там с экскурсией была в шестом классе. Да и адрес... приметный. Какой военный ВУЗ будет снимать там помещение? Бред...

Жираф сопел в трубке, явно устраиваясь удобнее.

– Слушай, Рогова, а ты чё, реально, опять решила штурмовать?

Ульяна давно мечтала попасть в авиацию. Стюардессой бы взяли без проблем – внешность и здоровье позволяли. Но ей надо больше.

И она провалила психологическое тестирование. Третий раз с момента окончания школы. Никто не объяснил, что не так. Просто рядом с её фамилией стояла галочка, а должен был – плюстик. Никто не смог ничего пояснить. На следующий этап её не допустили.

По приезде домой девушку ждало вот это письмо.

Отец, привыкший к тяжёлому труду и не ожидающий подарков от жизни, коротко бросил: «Кидалово».

Мать всё пыталась найти компромисс:

– Так ведь написано – зачислена. В чём кидалово-то? Не стриптиз же в Турцию её зовут плясать, – не унималась она.

А Ульяна металась между «хочу» и «чья-то идиотская шутка».

Она разве что не грызла уголок желтоватого приглашения, пытаясь разгадать подделку. Но что искать? К ней такие письма каждый день не приходят. С чем сверяться? Как проверить?

Штамп места отправления – Якутск. Адрес указан... но, может, для координатора снимают там, в Институте мерзлотоведения, помещение. Да и вообще...

Она рассказала свои соображения Жирафу. Словно прочитав её мысли, тот лениво заключил:

– Да поезжай ты в аэропорт, предъяви билет. Если шутка, то тебя на том рейсе не ждут. Ну, посмеёшься и домой... Пятьсот рэ на такси истратишь.

– А если ждут?

– А если ждут – смотаешься в Якутск, купишь мне нэцкэ из типа-бивня-мамонта, я в универе девушек наивных буду впечатлять.

Ей и самой так думалось. То есть не про жирафовых девушек, конечно, а поехать и убедиться.

Уже утром следующего дня, собрав то, что можно назвать личными вещами, она чмокнула в щеку маму, торопливо прижалась к широкой отцовской груди и нырнула в такси – на разведку боем.

2

В десять с небольшим она, затаив дыхание, подошла к стойке регистрации на рейс Нерюнгри-Якутск. Пожилая дама в форме сотрудницы аэропорта приняла её паспорт, мельком глянула в распечатанный билет и через минуту протянула посадочный талон:

– Выход на посадку номер один, – проинформировала она.

Ульяна почувствовала, как дрогнули руки: это всё – билет, приглашение – не шутка.

Около прохода в зону посадки толпились провожающие, из кафе разлетались запахи хот-догов с кетчупом и дешевого кофе «три в одном». У киоска с газетами Ульяна бессмысленно глядела на разномастные обложки журналов, обложки карманных книг и китайских сувениров. В отражении поймала свое растерянное лицо: кожа ещё белее, чем обычно, волосы цвета

клоунского парика растрепались и непослушными патлами торчали во все стороны. Девушка автоматически их пригладила и заправила за уши, придав более или менее достойный вид.

«Это не розыгрыш, – крутилось в голове. – Ошибка?»

Приготовившись к худшему, она прошла паспортный контроль, преодолела рамки металлоискателей и оказалась в зале вылета – металлическом ангаре с покосившимися лавками по периметру.

Бросила взгляд на часы: до посадки оставалось семь минут.

Сердце учащенно билось, когда она подходила к самолету. Ещё сильнее – когда показывала посадочный талон равнодушно-приветливому проводнику. Тот, по-своему поняв её смятение, улыбнулся:

– Присаживайтесь на свободные места, – Ульяна давно знала: на местных авиалиниях никто не рассаживается согласно купленным билетам.

Девушка устроилась у иллюминатора и с тревогой поглядывала на суетящихся около самолета сотрудников аэропорта. Ей все казалось, что сейчас раскроется обман и ей предложат покинуть салон. Но девушке, как и всем пассажирам, рассказали порядок действий в случае эвакуации, предложили кислые леденцы, прессу и уже через несколько минут крохотный Ан-24 оторвался от земли и прыгнул с сопки, оставив под крылом припорошенную снегом тайгу.

Прильнув к стеклу, девушка прислушивалась к равномерному гулу двигателей, впитывая это удивительное ощущение полёта, от которого прояснились мысли, закипала кровь.

Внизу, широко распахнув руки, нежилась величественная Лена. То кутаясь в облаках, то цепляясь притоками за каменистый берег, она изгибалась змеей, подмигивала пролетавшим мимо птицам. А в яркой северной синеве искрился солнечный диск.

Ульяна закрыла глаза, представляя, что это она летит над тайгой, мощной могучей птицей. Сердце забилося ровнее, дыхание стало глубоким.

– Вода, сок, чай с лимоном? – до плеча дотронулась прохладная ладонь бортпроводницы.

Ульяна бестолково моргала глазами.

– Пить что будете? – повторила стюардесса. – Чай с лимоном, воду или сок? Есть томатный и яблочный.

Ульяна слышала, что в полете лучше пить соленое, взяла томатный. Мысли вырвались из душного салона и оказались там, на Мерзлотной, 36. Несколько часов и она выяснит, ошибка ли всё происходящее или чей-то злой розыгрыш.

3

Она бесцельно бродила по чужому городу.

Жаркий ветер (все-таки к погодным противоположностям Якутии невозможно привыкнуть) поднимал мелкую как пудра пыль, бесцеремонно бросал в лицо. Та противно скрипела на зубах, серой мукой оседала на лице, тощих кустах и фасадах домов. Стамбул – город контрастов? Это создатели известного фильма Якутск не видели. Шикарные авто – рядом с видавшими виды УАЗиками. Роскошные, в стекле и граните, здания государственных учреждений – рядом с вросшими в грунт по окна первых этажей деревянными бараками. Трубы в неопрятной, изъеденной морозами, обмотке. Многоэтажки на сваях как экзотические избушки на курьих ножках.

Неповторимый колорит города в каменной мерзлоте.

Не выдержав ожидания, Ульяна села в автобус и уже в пять часов вечера была на крыльце Института мерзлотоведения.

Невысокое здание. Серый камень. Бронзовая фигура мамонта в центре зелёной лужайки.

Она поднялась по ступенькам.

Сотрудники неторопливо выходили из здания.

– Мне пятнадцатый кабинет нужен, куда пройти? – Ульяна обратилась к мужчине средних лет в серой потрёпанной ветровке.

Тот посмотрел удивлённо – конец рабочего дня уже, махнул рукой в сторону правого крыла.

Пятнадцатый кабинет оказался сразу у выхода в вестибюль. Простая деревянная дверь. Белая табличка с номером. Под ней – знакомая из письма-приглашения синяя эмблема: осьминог в кольце из звезд.

Около кабинета собралось пятеро.

Пожилая дама в чёрном деловом костюме заняла единственное кресло, установленное рядом с окном, под традиционной пальмой. Напротив неё стояли три парня с такими же, как у Ульяны, растерянными лицами: блондин со взглядом Пьеро, верзила в вытянутой майке-борцовке и, судя по виду, – иностранец.

«Бедный», – посочувствовала ему девушка, увидев теплую куртку, меховую шапку и красный, с блестящими капельками пота, нос, и направилась к пятому юноше, на вид не больше двадцати двух-двадцати четырёх лет, державшемуся особняком, с явными признаками осведомленности на загорелом лице. Короткая стрижка и выправка выдавали в нем военного.

– Привет, – Ульяна встала рядом, бросила сумку на пол. – Что, ещё не пускают?

Он был выше её на голову, из-за чего покосился свысока. Подумав, отозвался уклончиво:

– Привет.

У него оказался низкий голос, с хрипотцой, размеренный и неторопливый. Ульяна спрятала смущенную улыбку.

Девушка попробовала натянуть на себя маску равнодушия и уверенности в себе – вроде как она в курсе, что тут происходит. Со знанием дела она поправила рыжую пену на голове, старательно пригладила растрепавшиеся на ветру кудряшки и, заложив их за уши, проговорила:

– Каждый год одно и то же, столько новичков, да?

Парень изогнул бровь, посмотрел на неё внимательнее, с любопытством прищурился, будто пытаясь вспомнить. У него оказались серебристые глаза с тонкими лучиками цвета дымчатого кварца. Такие вообще бывают? Ульяна забыла, о чём хотела сказать. Глупо уставилась на незнакомца, разглядывая. Он снисходительно хмыкнул и отвернулся.

Корчить из себя всезнайку было поздно, девушка опустила глаза и вздохнула.

– Не волнуйся, – неожиданно примирительно проговорил парень. – Сегодня мало народа, так что всё пройдет быстро.

Что именно пройдет быстро, Ульяна не успела узнать – деревянная дверь распахнулась, и на пороге кабинета номер пятнадцать показался странный тип. Толстый коротышка в невыносимо ярком пальто цвета красного апельсина и в оранжевой вязаной шапке. Он громко откашлялся и заговорил хорошо поставленным оперным баритоном:

– Ну-с, господа присутствующие, прошу сдать ваши пригласительные, креоники, в общем, у кого что есть, то и сдавайте, – закончил фразу он, кажется, даже не на русском языке, но на него отреагировала дама в деловом костюме: торопливо встала и первой протянула синюю пластиковую карту, раза в два больше привычной кредитки.

– О, великолепно, – пропел толстяк и перевел взгляд на Ульяну.

Девушка выхватила из кармана приглашение и передала ему. Рука предательски дрогнула. Она покосилась на парня: тот приготовил такую же карту как у незнакомки в деловом костюме. Ульяна успела на ней заметить слова «лаборатория» и «генного».

– Прощу! – толстяк театральным жестом пригласил всех следовать за собой.

Бесконечный коридор в недрах Музея мерзлотоведения. Белые стены в кристаллах намерзшего льда, прозрачные сталактиты и сталагмиты. Узкая деревянная тропа, ведущая вниз, в желтоватый полумрак. Парадные залы с синей иллюминацией, прозрачными ледяными

фигурами и треном Деда мороза остались давно позади. Притихшая компания постепенно спускалась под землю.

Одетый в зимнее иностранец уже не казался таким несчастным. Ульяна с удовольствием нацепила бы его пуховик вместо своей тонкой ветровки. К нервному тремору добавилось переохлаждение, девушка поняла, что соображает с трудом, а зубы так стучат так, что она несколько раз прикусила язык.

Загорелый парень, уверенно шедший чуть впереди, оглянулся, стянул с себя куртку и передал ей.

– Сссспасиб-бо, – поблагодарила она, ныряя в широкие рукава и кутаясь. От куртки пахло мятой и пряным перцем.

Они свернули направо, и деревянная тропа круто взяла вниз. Ульяна от неожиданности поскользнулась, ахнула, удерживая равновесие вцепилась в поручень.

– Долго ещё? – беспокойство выскакивало то дрожью в голосе, то в испуганном взгляде назад, в покрытые мраком катакомбы Музея мерзлотоведения.

Загорелый незнакомец оглянулся, поправил съехавшую с плеча спортивную сумку:

– Ещё минут пять.

– А что там? Куда нас ведут? – не унималась девушка, чувствуя, как к их разговору старательно прислушиваются попутчики и даже, кажется, иностранец. Парень нахмурился, из-за чего серебристые глаза потемнели, словно в них мелькнуло крыло обскура. И промолчал.

– Нет, ну, правда, – к их разговору присоединился один из парней – тот самый, со взглядом влюбленного Пьеро, – не на экскурсию же нас сюда позвали... Тем более, не рассказывают ничего, – добавил он растерянно и посмотрел на спутников.

– Всегда можно вернуться назад, – бросил загорелый и ускорил шаг.

Человечек в оранжевом пальто остановился у белой, покрытой инеем стены. Подождал, пока подойдут все пятеро и торжественно объявил:

– Уважаемые друзья! Вы прошли специальный отбор в академию Космофлота. Ваши специальности определены с учетом выявленных способностей. Все необходимые разъяснения вам будут даны по прибытии, – он посмотрел на наручные часы: ровно шесть часов вечера. – Сейчас вам надлежит перейти в зал транзакций. Прошу не отставать, строго придерживаться инструкций оператора. В случае панической атаки прервать транзакцию можно нажатием красной кнопки. Вопросы есть? Вопросов нет. Приступим.

У Ульяны в голове засело назойливой мухой слово «Космофлот». Вот опять. Первая мысль, что она станет космонавтом, тут же сменилась уверенностью, что их снимают скрытой камерой и вот сейчас выскочит из-за угла улыбчивый ведущий.

Но никто ниоткуда не выбежал. Загорелый парень уверенно встал первым.

Ульяна по привычке пристроилась следом за ним, неловко выглядывая из-за его широкой, обтянутой чёрной футболкой спины.

Глухая стена отъехала в сторону, впуская их внутрь тёмного помещения, где единственным освещением были световые панели в основании шести кабин, похожих на телефонные будки.

Приятный женский голос пропел над ухом:

– Прошу занять транспортировочные модули.

Загорелый парень вошёл внутрь одной из кабин. Ульяна видела его сосредоточенное, причудливо освещённое снизу лицо. Она заняла соседнюю кабину.

– Прошу приготовиться к транзакции. Поместите руки на панели балансировки.

По бокам проявились серебристые пластины с тонко очерченной ладонью в центре каждой из них. Ульяна с осторожностью к ним прикоснулась – рука словно окунулась в тёплый гель.

Голос вежливо продолжил:

– На счёт три сделайте глубокий вдох, аналогичный тому, что вы делаете при погружении под воду, и задержите дыхание. Считайте до десяти. При панической атаке, нажмите красное световое табло, – перед глазами мелькнула и замерла красная пластина. – При окрашивании кабины в зелёный свет можете дышать как обычно. Удачной транзакции и до новых встреч.

Воздух в кабине наполнился озоном. Дышать стало легко и приятно. Если бы не доводивший до иступления ужас. Чернота вокруг уплотнилась, отрезая девушку от попутчиков. В полном одиночестве она замерла на хрупкой световой платформе, с зажатými в уплотнившийся гель руками, погружаясь в неизвестность.

На передней стенке кабины появилась римская цифра один. В её зеленом отсвете Ульяна заметила силуэты своих попутчиков, замершие так же, как и она, в темноте. Повернула голову направо – там в полумраке мелькнул спокойный и уверенный профиль загорелого незнакомца. Единица на панели сменилась двойкой, Ульяна сосредоточилась.

Три. Глубокий вдох, расширившиеся лёгкие.

Воздух внутри кабины сжался. Давление на барабанные перепонки, головокружение, потеря ориентации в пространстве. Девушка с трудом могла вспомнить, где потолок, а где пол кабины. Гель, в который были помещены руки, сомкнулся на запястьях, не позволяя вырваться из оков и удерживая в равновесии. Куртка загорелого незнакомца сползла с плеч. Ноги оторвались от пола, и девушке действительно подумалось, что она находится в воде: таким плотным стал воздух вокруг.

«Четыре, пять, шесть, семь, – Ульяна считала медленно, чувствуя, как из лёгких выходит кислород, – восемь, девять, десять».

Ещё мгновение и воздух приобрел привычную плотность, ноги опять притянуло к белой световой платформе, из горла вырвался хрип, дыхание сбилось, сердце рвалось вверх, перехватывая гортань, сдавливая рёбра.

– А-а, – сдавленный крик вырвался из груди.

Руки свободно выскользнули из гелевого крепления.

Ульяна постаралась успокоиться, уперлась вспотевшими ладонями в колени, опустила голову. Стенки кабины окрасились травянисто-зелёным и распахнулись.

– Транзакция завершена, – спокойно сообщил тот же приветливый голос. – Станция прилёта – Тамту. Информировать вас, что в холле зала транзакций вас ожидает регистратор. Номер вашего личного дела 2118-омикрон-сигма-2.

Ульяна опешила, но решила, что это какая-то ошибка и сейчас всё прояснится.

Она бросила взгляд направо, туда, где должен был находиться загорелый незнакомец. Сердце упало: кабинка оказалась пуста. Неловко сбросив с плеч джинсовую куртку, девушка направилась к выходу. Может быть, ей удастся его догнать.

Но вырвавшись из полумрака зала транзакций, Ульяна впала в ступор. Впрочем, не она одна: за спиной замерли все трое попутчиков.

– А где подземелье? – прошептал светловолосый Пьеро.

Совершенно очевидно, что они были уже не в катакомбах Института мерзлотоведения. Дощатая тропа в полутьме обледенелых коридоров исчезла. Они оказались в сверкающем белизной помещении с овальным столом. В его центре мерцал сенсорный экран. В огромных окнах отражались ярко-голубые, синие и оранжевые рекламные вывески магазинов. Площадь, залитая сотнями неоновых огней, меньше всего походила на знакомые пейзажи Якутска.

– What's this? – пробормотал вконец ошалевший иностранец, замерев рядом.

– По ходу мы где-то не в Якутске, – многозначно отметил Пьеро.

– По ходу, да, – отозвалась Ульяна.

Дама в светло-бежевой униформе за пультом, наконец, подняла на них глаза:

– Прошу проходить на регистрацию. Кто первый?

Ульяна шагнула вперёд.

– Личное дело 2118-омикрон-сигма-2, – с трудом вспомнила она.

Женщина широко улыбнулась:

– О, какая удача для всех нас. Добро пожаловать на Тамту, – она протянула ей длинную пластиковую карточку со звёздным осьминогом.

В центре появились квадратные значки и загорелась зелёным стрелка.

– К сожалению, ваша группа прибыла позже запланированного, поэтому вам придется сразу направиться на инструктаж. Следуйте в указанном направлении. Вас ожидают в секторе 7Б.

Девушка зажала тонкий пластик между пальцами, понизила голос:

– Простите, где я нахожусь? В смысле, я понимаю, что это не Якутск и всё такое... Но где именно?

Оператор изогнула бровь:

– Вам необходимо пройти в сектор 7, аудитория Б на инструктаж. Боюсь, я не уполномочена предоставлять вам более подробную информацию.

И она перевела взгляд на притихшего иностранца.

Ульяна поправила сумку на плече, удобнее переложила куртку загорелого незнакомца и посмотрела на стрелку. Та указывала прямо и направо, за прозрачный овал окна, через залитую огнями круглую площадь. Шагнув в указанном направлении, девушка замерла перед овальным окном в поисках дверей. Поверхность стекла, отразив написанные на пластиковой карте знаки, подернулась синевой, истончилась на глазах, впуская внутрь белоснежного зала громкие звуки музыки, рекламных слоганов, запах озона и тонкий цветочный аромат.

Оглянувшись на своих попутчиков, Ульяна неуверенно шагнула на каменные плиты площади следуя за зелёной стрелкой, будто за белым кроликом.

Глава 2. Вводный инструктаж

1

Зелёная стрелка изогнулась, указывая на здание справа: стеклянную высотку с круглой башней и шпилем, упирающимся в зеркальный потолок. Вход, как раскрытая пасть голодного аквариумного сомика, был освещён синим. Строгая табличка на стене гласила, что это – академия Космофлота.

У входа толпились одетые в серебристые комбинезоны, кобальтово-синюю и бледновасильковую форму люди.

Ульяна поспешила к ним.

Проходя мимо плоских хромированных колонн, почувствовала холодное прикосновение, будто окунулась в ванну с ледяной водой. Поёжившись, оглянулась – ничего особенного не происходило, только стоило кому-то приблизиться к линии, отделявший внутренний холл от площади, вокруг него на мгновение появлялось синее свечение. И тут же исчезало снова. Ульяна протянула руку, коснулась невидимой преграды. Под кончиками пальцев завибрировало силовое поле, а кожа снова почувствовала холод.

Она огляделась. Здесь странно пахло. Вернее, здесь пахло ничем. Абсолютно стерильный воздух без оттенков и полутонов. Даже собственные волосы, которые Ульяна мыла травяным шампунем, здесь теряли привычный аромат, растворяясь в залитом искусственным светом пространстве.

В центре просторного холла тянулись к куполу светящиеся трубы-лифты. Ульяна запрокинула голову, пытаясь сосчитать количество этажей. Сбилась на восемнадцати. Они были объединены по пять или семь этажей и отмечены разными цветами подсветки: белая – самая широкая из всех, за ней – яблочно-зелёная, желтовато-оранжевая и тёмно-красная. Верхние этажи переливались бирюзовым.

– Тебе помочь? – приветливый голос заставил обернуться. Миниатюрная блондинка с модным ассиметричным каре с любопытством разглядывала девушку.

Ульяна вздохнула:

– Если честно, я бы не отказалась. Голова кругом идёт.

Она опасливо покосилась на шипящие трубы: в них как раз исчезло несколько человек. Вместо них – сверкающая стрела, устремленная вверх.

– Как всем этим пользоваться, ума не приложу.

Девушка с каре понимающе кивнула:

– А тебе куда?

– На инструктаж, – Ульяна показала пластиковую карту, – сектор 7, аудитория Б.

Новая знакомая обрадовалась:

– О, это я знаю куда! Пойдём. Мне туда же, тоже на инструктаж.

Она подхватила Ульяну под локоть, увлекая к ближайшему лифту, только что раскрывшему прозрачные двери.

– Я здесь тоже только позавчера оказалось. Но уже успела кое-что осмотреть, – щебетала она. – Нам сюда.

Девушка взяла из рук Ульяны пластиковую карту, потрясла в воздухе.

– Смотри, совмещаешь сканер, он на всём оборудовании есть, и табло твоего креоника. Вот этой самой пластинки. Сканер считывает код и доставляет тебя куда надо. По принципу навигатора. Главное, всё правильно загрузить, – она усмехнулась. – А то я вчера хотела на

обзорную площадку, а попала в техотсек. Там, конечно, тоже интересно оказалось, но совсем не то, что я ожидала.

Новая знакомая рассмеялась.

Ульяна почувствовала, что сходит с ума. Словоохотливая девушка приставила её карту к табло, в нём отразилась зелёным стрелка, появился цифровой код. Пространство за стеклянной колбой поплыло, очертания смазались, слипаясь в одно мутное пятно. Заложило уши. Ульяне пришлось открыть рот и широко зевнуть, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

А в следующее мгновение она поняла, что стремительно мчится вверх. Холл и овальный вестибюль остались далеко внизу. Перед глазами замелькали цветные отметки этажей.

– Видимо, ты с последней группой прошла, – донеслось до Ульяны. Её спутнице, кажется, скоростной подъем был нипочём. Она понимающе улыбнулась, когда кабина замедлила ход, останавливаясь в бирюзово-синем секторе. – Ничего, это в первый раз так, потом привыкнешь. Меня, кстати, Наташей зовут.

И она протянула руку. Ульяна торопливо вытерла вспотевшие ладони о джинсы и с благодарностью сжала тонкие пальцы.

Они прошли через пустынный прохладный холл мимо выгравированной серебром цифры семь, дальше – несколько десятков метров по прямо по коридору. Тёмно-синее напольное покрытие приглушало их шаги, а холодная подсветка дверных проёмов выбеливала лица. И если бы не щебет новой знакомой, Ульяна наверняка почувствовала бы себя призраком в этом странном полукругом коридоре.

– Наташ, а что это за место ты уже выяснила?

Девушка заправила за ухо мягкую прядь и изогнула бровь:

– Ну-у, здесь всё так... технологично, – она понизила голос: – я никогда ещё такого не видела. В техотсеке вообще всё как на космической станции из какого-нибудь фильма. Но народ в целом приветливый.

– А ты сама откуда?

– Из Москвы. Школу в 2016-м закончила. Пошла на психолога, отучилась два года, мне предложили сюда перевестись. Я согласилась.

– Вот и я тоже, – Ульяна не стала вдаваться в подробности своего поступления, и добавила задумчиво: – Ещё бы узнать, на что мы с тобой согласились...

Коридор резко повернул вправо и вывел девушек к широким дверям. Массивное стекло распахнулось при их приближении, пропуская в небольшой, больничного вида круглый холл. Вдоль стен в два ряда стояли диванчики, а в центре – тумба. Несколько дверей с семёрками на серебристых табличках и буквенным кодом от А до Е кириллицей. Белые же матовые стёкла скрывали, что прячется за ними. Ульяна оглянулась на новую знакомую – та уже осторожно приоткрыла комнату Б.

Гул голосов, перешептывания.

Ульяна привстала на цыпочки, заглянула через Наташино плечо. Светлая аудитория без окон – два экрана на стенах, светлые глянцевые парты стояли полукругом. За ними – разношерстная публика: несколько парней примерно одного с ней возраста, девушка в очках с тонкой оправой, у окна лениво барабанил пальцами худощавый брюнет в синей форме с бордовой эмблемой на груди.

– Ну, чего встали? – неожиданно грубый окрик за спиной заставил отпрянуть от двери. Ульяна обернулась: высокий парень с совершенно белыми волосами, рыхлой розовато-прозрачной кожей, утонченным лицом, которым можно было бы любоваться, если бы не страшные блёклые и равнодушно-презрительные как льдинки, глаза. Альбинос. Он был в кобальтово-синей форме, руки заложены в карманы брюк, на груди – бирюзовая эмблема. Ульяна не поняла, что на ней изображено, похоже на рассеянные по полю молнии.

– Чего уставилась? – незнакомец смотрел с вызовом, презрительно изогнув белую, словно припорошенную мукой, бровь.

Ульяна смутилась и отошла в сторону, пропуская парня в аудиторию. Наташа пробормотала:

– Да больно надо, проходи.

Альбинос направился внутрь, намеренно толкнув Ульяну локтем, процедил сквозь зубы:

– Понабрали всяких.

Наташа открыла было рот, чтобы вступить в перепалку, но Ульяна перехватила её за рукав:

– Не связывайся.

Альбинос это, кажется, услышал, покосился на неё через плечо:

– Верно, салага, знай свое место! – по-хозяйски войдя в аудиторию, он плюхнулся за первую парту, прямо перед лекторской кафедрой, и, широко расставив руки, откинулся на спинку.

– А-а, вот и последнее опоздавшие подоспели, – приветливо проговорил пожилой мужчина, поднимаясь из-за кафедры. Его янтарно-зеленые глаза с тонкой щелью зрачка скользнули по окаменевшим фигурам девушек, а рука настойчиво пригласила войти и занять свои места.

Ульяна подтолкнула Наташу к ближайшей парте и сама присела на край скамьи, с удивлением обнаружив на ожившей поверхности стола табло с номером её личного дела.

– А что, кухаркам теперь тоже положена вводная? – громко удивился альбинос и скривился в их сторону.

Брюнет у окна приоткрыл глаз, с любопытством посмотрел на устраивавшихся у стены девушек. Присутствующие притихли. Мужчина за кафедрой холодно отметил:

– Вам прекрасно известно, курсант Паль Сабо, что вводный инструктаж проводится только для навигаторов, – он оглядел притихшую аудиторию и повысил голос: – Тем, кто видит меня впервые, прошу запомнить моё имя – Боз Удгрин. И рекомендую запомнить его получше, ибо я куратор вашего курса. И от меня зависит интенсивность вашей лётной подготовки, набор дисциплин, а также именно я даю рекомендации при вашем поступлении во флот, – он многозначительно улыбнулся.

Альбинос неловко подобрался и притих. Ульяна видела со своего места как покраснела его накаченная шея.

А куратор продолжал:

– Я рад приветствовать в новом учебном году как уже знакомых мне курсантов, так и новичков. Их у нас сегодня трое. Согласно Программе выявления одарённых молодых людей, успешно существующей в равной мере как на Креониде, Клирике, Цериане и вверенных им планетах, так и на Земле, вы все были отобраны в качестве навигаторов-сенсоидов.

Ульяна и Наташа многозначительно переглянулись.

За спиной преподавателя загорелось интерактивное табло. На экране появилось звездное полотно, по которому плыли диковинные космические корабли: величественные пассажирские лайнеры с серебристыми, округлыми боками, военные крейсера, оцетинившиеся стволами орудий, со знакомой уже эмблемой в виде осьминога в кольце из звёзд, юркие суда с прозрачными обзорными куполами.

У Ульяны перехватило дыхание. Намёк на понимание происходящего, на самую его возможность, вводили в ступор. Вот эти корабли на экране – это фильм? Компьютерная графика? Планеты Креонида, Клирик, Цериана – это что, тоже из разряда фантастики? Но для чего всё это? Она – участник какого-то эксперимента на стрессоустойчивость?

– Вы – сердце Космофлота Единой галактики, – торжественно продолжал Боз Удгрин. – В ваших пока ещё неумелых руках – навигационные маршруты, лоции и космогация Единой галактики. Я понимаю, что первокурсники, оказавшиеся здесь, особенно ребята, приехавшие

с Земли, население которой в большинстве своём не знакомо с соседями, несколько удивлены и обескуражены, и, возможно, считают всё происходящее розыгрышем или сном...

– А некоторые уже мечтают оказаться дома с мамочкой, – альбинос Паль Сабо расплылся в невинной улыбке и потянулся.

Куратор не обратил внимание на его реплику.

– Сейчас в ваши креоники, те самые пластинки, которые вам вручили в зале регистрации, будет загружена вся необходимая информация о расписании и подготовке. Креоник – это ваш персональный компьютер. Планшет, если говорить привычным вам языком, только со значительно расширенным функционалом. Это ваша карта, ваши глаза, уши, это ваша связь со станцией и факультетом, который на долгие месяцы станет вашим единственным домом. Ваши каюты ожидают вас. Если вдруг понадобится экстренная помощь, вам необходимо связаться с Голо. Он у вас находится в правом верхнем углу креоника и сейчас подсвечивается золотым.

Ульяна бросила взгляд на ожившее табло пластиковой карты, и в указанном месте действительно загорелся золотым крохотный знак вопроса.

А куратор продолжил:

– Голо – андроид, поэтому доступен для помощи круглосуточно. Для того, чтобы чувствовать себя увереннее, настоятельно рекомендую изучить базовые файлы, доступные как в общем информатории жилой зоны, так и с ваших персональных информационных платформ. А завтра, ровно в восемь утра по местному времени, буду ждать вас в холле у подъёмников на обзорную экскурсию по академии. Курсанты, ознакомившиеся с ней в прошедшем семестре, тем не менее, тоже могут присоединиться. И теперь задам традиционный вопрос – всё ли вам ясно? Нужно ли ещё что-то уточнить?

Ульяна смущенно откашлялась, подняла руку. Боз Удгрин одобрительно кивнул.

– Скажите, мы что – правда, на космической станции? Вот это всё – не розыгрыш? Не шутка?

Альбинос презрительно фыркнул. Куратор улыбнулся:

– Вам предстоит в этом убедиться в скором времени. А по второй части вопроса – уверяю – всё всерьёз.

Он обвёл взглядом курсантов в ожидании следующего вопроса. Ульяна снова подняла руку.

– У меня ещё вопрос. Как мы можем сообщить нашим близким, что с нами всё в порядке? Каким образом можно поддерживать с ними связь?

Брюнет у окна с интересом на неё уставился. Боз Удгрин кивнул:

– Это хороший вопрос. Учитывая, что земляне, в отличие от креонидян или клириканцев, в большинстве своем не в курсе нашего существования, то говорить, что вы здесь – это все равно что сообщить, что вы сошли с ума. Традиционно родственникам курсанта с Земли сообщается о зачислении в один из земных ВУЗов в соответствии с профилем. Военное закрытое образовательное учреждение. Через уполномоченных лиц на Земле им предоставляются копии документов о зачислении, надлежащим образом заверенные. Всё это оправдывает редкую и одностороннюю связь с домом и довольно ограниченную информацию, которая будет от вас первое время поступать. Письма можете отправлять через оператора зоны транзакций – вы уже знакомы с этими милыми барышнями, – он подмигнул. – Его передадут по выделенному каналу связи или перешлют через почтовую службу Земли. По истечении месяца пребывания в Академии вам положен пятидневный отпуск для завершения дел. Тогда вы и сможете сообщать подробности родным. Мне удалось вам помочь? – куратор по-птичьему склонил голову.

Девушка покраснела:

– Да, спасибо.

Глава 3. Совещание

1

– Здорово, Паук. Выглядишь сегодня рассеянным, – айтишник Василий Крыж, он же уважительно Василевс, догнал его на площади Кроны уже у самого входа в здание Академии. Он выглядел так, будто только что выспался, поел в приятной компании и услышал свежайший анекдот. То есть, как всегда. Артём Пауков, которого друзья со времен учёбы в Академии прозвали Пауком, перехватил правой рукой съехавшую с плеча спортивную сумку и тут только вспомнил, что, выскочив из транспортировочного модуля, не забрал свою куртку. Так-то она ему до следующего отпуска будет не нужна, но во внутреннем кармане остались документы и фотографии. Не хотелось бы их потерять.

Он с сожалением оглянулся, собираясь вернуться и забрать джинсовку. Василий остановился рядом, проследил за взглядом друга:

– Э-э, Кромлех нас собирает в шесть-тридцать. Я так-то тебя искал, чтоб предупредить.

Артём бросил взгляд на цифровое табло над площадью: минуты спешили к половине седьмого вечера, лишая возможности вернуться. Он вздохнул, махнул рукой и направился внутрь светящегося огнями вестибюля академии.

– Как отдохнул? Жаль, что вызвали раньше срока. Как семья?

Артём нахмурился и посмотрел сквозь стекло подъёмника:

– Как обычно...

Василий понимающе кивнул.

– А что делать?

– На маму вышли представители спецслужб, требуют информации о моём местонахождении. Наплели ей, что я чуть ли не преступник, – неожиданно для себя разоткровенничался Артём.

– М-м, Кромлеху скажи. А то объявят тебя дома в розыск, доказывай потом, что и как.

Артём рассеянно потёр виски, кивнул.

Подъёмник доставил их в белый сектор со светлыми, словно парящими, стенами, серебристыми указателями, матовыми стёклами отсеков и лабораторий. Царство науки и стерильного воздуха. Молодой человек чувствовал себя здесь увереннее. Это *его* царство.

– Что, Комов сильно свирепствовал пока меня не было? – Комов – это руководитель лаборатории программирования и непосредственный начальник Василевса. Три дня назад случился скандал из-за модернизации опытной программы объекта «Фокус», в которую Василий внёс изменения.

– Грозил уволить за самоуправство, лабораторию закрыть, проект закрыть, «Фокус» разобрать на РНК, – Крыж широко улыбнулся, в синих глазах мелькнула ирония.

– Да ну? – Артём остановился у прозрачных дверей жилого блока, его рука, протянутая к сканеру допуска, замерла в воздухе.

Василевс качнулся с пятки на носок, руки засунул в карманы форменных брюк.

– А то. Но «Фокус» тебя удивит, – он криво ухмыльнулся и знакомым движением растрепал волосы на затылке. – Победителей, говорят, не судят...

Артём нетерпеливо выдохнул:

– Блиин, это совещание не вовремя...

– Традиция примиряет с действительностью, – процитировал Бёрка Василевс. – Лады, жду тебя в конференц-зале, – он бросил взгляд на часы: – У тебя пять минут.

Парень развернулся и стремительно направился в сторону освещенного холла.

Оказавшись в своей каюте, Артём облегчённо вздохнул. Привычная спартанская обстановка: синий ковер, встроенная эргономичная мебель, рабочий стол с мягкой желтоватой подсветкой, приветливо подмигнувший хозяину экран информера. Он закинул спортивную сумку в шкаф на дно глубокого выдвижного ящика. Она теперь не понадобится ему до следующего отпуска. Стянул с широких плеч чёрную футболку, торопливо скинул джинсы. Внутренний секундомер считал мгновения.

Переодевшись в форму, Артём достал из верхнего ящика стола широкий браслет и застегнул его на запястье. Шкала загрузки загорелась аквамариновым. Вставив в горизонтальные пазы на браслете пластиковую карту с экраном, дождался соединения.

– Бромох готов к эксплуатации, – донесся мелодичный голос, а на экране загорелась синяя подсветка, в бликах которой тут же мелькнула физиономия Василевса:

– Минутная боевая готовность, – возвестил он, хмыкнув.

– Уже иду.

Артём сгрёб разбросанные на полу вещи, сунул их в бельевой отсек и стремительно вышел из комнаты.

2

– Рад, что период отпусков закончился, и мы, наконец, все в сборе, – поприветствовал всех директор академии Космофлота Единой Галактики и руководитель лабораторного комплекса креонидянин Кромлех Циотан.

Высокий немолодой мужчина с белоснежными волосами, фиолетовыми глазами и зефирно-белой кожей, упёрся кулаками в поверхность интерактивного стола, над которым, словно бумажные змеи, замерли прозрачные прямоугольники информационных экранов.

– У нас в этом году много работы. И, прежде всего, над проектом «Фокус».

Артём покосился на Крыжа: тот с невозмутимым видом изучал всплывающие на его экране таблицы.

– Это совещание – экстренное. Меня не порадовала ситуация с программным обеспечением «Фокуса». Ни одно изменение не должно вноситься без предварительного моделирования и обсуждения. Ни одна модернизация не стоит рисков, которые повлекут несогласованные и непродуманные действия, – он окинул белёсым взглядом присутствующих.

Двадцать шесть человек, мужчин и женщин, сотрудников лабораторий и участников амбициозного проекта.

– Но, как известно, победителей не судят...

При этих словах, в уголках губ Василия мелькнула торжествующая улыбка и тут же растаяла. Артём с подозрением посмотрел на друга, тот утвердительно кивнул. Едва заметно. И спрятал сосредоточенный взгляд за монитором. Кромлех распрямылся, заложил руки за спину и прошелся вдоль экрана. На нём появился чертёж удивительного устройства: вытянутый корпус, расставленные паруса энергоёмкостей с прорезями маневровых двигателей, стабилизаторов и бортового вооружения, приподнятый горб овального купола-рубки. Перспективная модель космического фрегата, уникальный образец. Его, Артёма, детище и разработка.

Кромлех остановился перед Василием, повёл могучим плечом:

– Ну, докладывайте.

Крыж встал, отточенным движением оправил китель, прошёл к чертежу. Директор занял его место за столом и, подперев голову кулаком, замер в ожидании.

Василий откашлялся, перебросил из собственного креоника на демонстрационный экран файл презентации. На нём блеснул и застыл в неподвижности чертёж субмарины, под ним Артём узнал знакомый код: 01-00-15.

– Как известно всем присутствующим, в задачи лаборатории программирования, сотрудником которой я являюсь, входила разработка продукта, способного обеспечить жизнедеятельность объекта «Фокус» и его экипажа. Во время разработки наша лаборатория опиралась на формулу Страхова-Ригсби. Как известно, её константа купирует биомодуляцию и не позволяет ей распространяться на другие биогены. Так мы собирались сделать биомодуляцию направленной и подконтрольной человеку. Это оказалось проблемой. Созданный лабораторией генной инженерии организм, – он кивнул на Артёма, – оказался уязвим и необучаем. Все попытки изменить вес константы либо провалились в ходе экспериментов за последние три месяца, либо дали нестабильные и сомнительные результаты, – гул голосов в ответ.

Василий повысил голос, перекрывая возникший шум:

– В результате вычислений, мне удалось заставить константу работать на нас.

Сидевшие за вытянутым овальным столом конференц-зала Лабораторного комплекса мгновенно стихли. Артём весь обратился в слух. Пять лет он занимался выведением биогенной клетки, сращивал органику с неорганикой. В начале – будучи курсантом академии Космофлота, а сейчас – как руководитель крупнейшей в секторе лаборатории биоинженерии. Он – самый молодой руководитель лаборатории самого амбициозного проекта Единой галактики – биоморфного космического корабля «Фокус». Лучшие умы Галактики направлены сюда, чтобы помочь разуму сделать следующий шаг за пространственные рубежи. За последние три года удалось шагнуть от технологической конструкции до опытного образца. От чертежа до живого организма. От скрещенной в пробирке клетки гигантского толианского афалина с монооксидом кремния до живого, дышащего организма. Ну, если можно так сказать о корабле, естественной средой обитаний которого является космическое пространство.

– Поясни, что ты имеешь в виду, – он не ожидал, но голос осип, выдавая волнение.

Василий увеличил изображение фрагмента нейронной цепи с внедренными в неё кристаллами биополимера:

– Мы рассматривали константу Страхова-Ригсби как врага и противника, стараясь избавиться от неё. Я внедрил её в систему управления кораблем по примеру компьютерного вируса.

Повисла пауза. В ушах Артёма пульсировала кровь. Он хотел услышать конкретику.

– Какой именно функционал удалось получить в результате?

Василий окинул взглядом притихших в ожидании коллег:

– «Фокус» самостоятельно достраивает недостающие цепи в нейросети. Его искусственный интеллект сейчас работает сродни биологическому организму.

Присутствующие в конференц-зале учёные замерли, словно осознание произошедшего накрывало их медленно, оглушая каждую клетку мозга, раскрывая глаза, открывая горизонты.

– Это невозможно, – выдохнул кто-то.

– Невероятно, – прошептал Кромлех, распрямляясь.

Артём открыл файл подготовленной другом презентации: схемы органических процессов, структура кристаллизации, нейронные связи – все претерпевало разительные изменения. То, что группа учёных пыталась смоделировать искусственно, провидение и смелость Василия сделали легко, талантливо и до гениальности просто.

– Какие данные биометрии? – он пытался выстроить план дальнейших действий. Прежний, очевидно, уже был никуда не годен.

На вопрос отозвался директор лаборатории. Его белёсая кожа покрылась розовой капиллярной сеткой – явный признак волнения.

– Биометрия не отзывается на прежние команды.

Артём посмотрел на Василия, перевёл взгляд на директора. Он понимал – от его решения зависит судьба проекта. Произшедший форс-мажор может стоить карьеры другу. На переносице пролегла морщинка. Серые глаза потемнели, скулы обострились.

– Нам придётся провести полную диагностику систем «Фокуса», – наконец выдавил он. – То, что удалось добиться Василию, безусловно, прорыв в области генной инженерии и биопрограммирования, но может оказаться, что объект «Фокус» полностью неконтролируем.

– Это означает, что, – он пристально посмотрел на Кромлеха, – нам придётся начинать всё с начала.

Глава 4. Тайна в действии

1

Когда они вышли из аудитории 7Б, часы на креонике показывали восемнадцать тридцать. Ульяна не ела с шести утра. Да и в шесть утра яичница, приготовленная мамой, не лезла в горло от волнения и неизвестности. От одного упоминания об ужине желудок скрутило, а к горлу подкатил желчный комок.

– Если я хоть что-то сейчас не съем, я умру, – прошептала она.

Наташа потянула её за рукав:

– Побежали тогда. Тебе надо переодеться: без формы не покормят.

– Что за правила такие, – вздохнула Ульяна и поторопилась за подругой. – А после ужина сходим к регистраторам, отправим сообщение домой, ладно?

Им пришлось спуститься на один ярус вниз, в сектор шесть. Ответвление налево уводило к мужским каютам, направо – к женским. Туда и направилась Наташа:

– Посмотри, какой номер у тебя на креонике.

Ульяна бросила взгляд на непонятную штуковину, на которой мелькали разноцветные стрелки, значки и указатели.

– А где смотреть-то? – она беспомощно вертела в руках тёмную пластину, силясь разобраться в незнакомых символах.

Наташа глянула через плечо, пробормотала:

– Левый верхний угол, справка. Выбирай «первичные сведения», сверху должен быть номер твоего личного дела, под ним – номер каюты и пароль доступа к инфоблоку. Всё остальное уже будешь изучать там. – Подруга подмигнула. – Тебе предстоит весёленькая ночь.

– Угу, – отозвалась Ульяна, насупившись. Под номером личного дела значилась отметка 618-альфа, которая, собственно, ей ни о чем не говорила.

«Интересно, а как остальные здесь разбираются и сколько дней обходятся без пропитания и ночлега, пока не разберутся с этой головоломкой?».

Наташа словно прочитала ее мысли:

– Всё не так страшно, как ты думаешь, – утешила она Ульяну. – Незнание – стимул для коммуникации. Если бы у тебя не было меня, ты бы уже познакомилась с половиной курса. «6» означает сектор, но это мы и так знаем, у навигаторов седьмой сектор учебный, шестой – жилой, восемь – тренировочный. «Альфа» – то есть женская половина. У парней «гамма». Кстати, имей в виду, «бета» означает помещения педсостава, туда лучше не соваться. Две оставшиеся цифры – номер каюты.

– Откуда ты это все знаешь, а? Ты точно позавчера приехала?

Наташа расхохоталась, у нее широкая, открытая улыбка и задиристый смех, Ульяна тоже улыбнулась.

– Точно. Точно также как ты тыкалась в закрытые двери, как слепой котёнок.

– Кто помог?

Наташа уклончиво ответила:

– Да кое-кто помог, – и подтолкнула Ульяну к матовой двери с синей табличкой «18». – Одежда в шкафу. Как будешь готова, иди прямо по коридору и налево. Там столовая. Я постараюсь занять столик поближе ко входу, чтобы ты меня нашла.

Она махнула рукой и побежала в сторону столовой:

– Не задерживайся! Ужин до восьми ноль-ноль!

– Не задерживайся, – проворчала Ульяна, уставившись на дверь: ручки не наблюдалось. Справа темнел квадрат сенсорного экрана.

Прислонив к нему креоник, девушка с облегчением увидела, как на экране отразился значок с номером её личного дела, двери в каюту распахнулись, ярко-зеленые лучи сканера скользнули по её плечам, искусственный голос приветливо сообщил:

– Добро пожаловать.

Ульяна огляделась. Гладкие белые стены, светло-бежевое мягкое напольное покрытие. И ни единого предмета мебели: ни стола, ни тумбочки, ни пресловутого инфоблока, пароль от которого ей так любезно предоставили. Ни единой двери во внутреннее помещение.

– И что? – Ульяна бросила спортивную сумку под ноги, сверху – джинсовую куртку незнакомца из института мерзлотоведения, выдохнула: – Блиин.

Часы неумолимо воровали секунды, а девушка все стояла посреди пустой комнаты.

– На полу, что ли они спят? «Одежда в шкафу», а шкаф, видимо, мухи съели.

– Если вам требуется помощь, нажмите «помощь» в меню креоника, – услужливо напомнил голос, очевидно, среагировав на отсутствие движения в комнате.

Ульяна треснула себя по лбу – ведь предупреждали же, что можно обратиться за помощью.

Она нажала на золотистый квадратик со знаком вопроса в центре темного интерактивного экрана:

– Голо, где вся мебель?

– Для формирования базового адаптационного интерьера выберите необходимый функционал из предложенного ниже списка, – тихо пропел автоматический голос.

Появилась таблица, подсвеченная золотым, с кнопками «базовая комплектация № 1» и «базовая комплектация № 1 плюс». И отдельными кнопками «сон», «гигиена», «личное», «работа», «исследования», «отдых», «тренировка».

Ульяна торопливо нажала базовую комплектацию один. В эту же секунду в гладких панелях образовались швы, щёлкнуло что-то внутри конструкции и из стен с щелчком выдвинулись кровать под бежевым покрывалом, столик и закрытые полки под ним для хранения личных вещей. Из-за панели выехала, разворачиваясь дверью, душевая кабина и распахнулся встроенный шкаф.

– Сохранить настройки? – вежливо поинтересовался всё тот же мягкий металлический голос.

– А? Да, – Ульяна ошеломленно оглядывала каюту.

Таймер на креонике сообщил о продолжении ужина. Спohватившись, девушка сунула сумку в шкаф, сорвала с вешалки один из форменных комплектов – на вешалке он выглядел чудовищным, неопределенного размера тряпьем, но, надев его, Ульяна поразилась как ткань ловко села по фигуре, и, наскоро причесавшись, бросилась к выходу.

– Всего хорошего, – пропел голос за спиной.

2

Она нашла Наташу у «окна». Захватив два подноса, та уже уплетала сомнительного вида кушанье, внешне напоминающее жареные стручки фасоли. Заметив Ульяну, девушка кивнула на стул напротив.

– Вижу, разобралась.

Рядом суетились, рассаживаясь вокруг круглых столиков и болтая, по меньшей мере несколько сотен человек. Вдоль дальней стены тянулся стол раздачи.

Ульяна закатила глаза:

– Спасибо, думала, на полу придётся спать.

Наташа захохотала, показав белоснежные зубы:

– Я так и делала первой ночью. Сумку под голову и спать. Обрадовалась, что хоть полы у них тут с мягким покрытием!

– О чём секретничает? – к ним бесцеремонно подсел симпатичный брюнет, которого они видели в аудитории 7Б на инструктаже. Схватив с Наташиной тарелки длинную веточку фасоли, он отправил её в рот и подмигнул Ульяне:

– Вижу, осваиваешься, феечка.

– Кто феечка? – девушка перестала жевать, уставилась на нахала.

Тот обезоруживающе улыбнулся и протянул руку:

– Здорово, я – Кир, Кирилл Авдеев, второй семестр, факультет навигации. Не обижайся. Феечка – это лучше, чем просто Рыжая, верно?

– А что, без кличек никак нельзя? – пробормотала Наташа.

Парень посмотрел на неё и улыбнулся ещё шире:

– Можно, но тогда не интересно.

– А у тебя какая? – Наташа прищурилась, ожидая увидеть, как парень начнет изворачиваться. Но тот простодушно отозвался:

– Кир, я ж сказал. У меня не такой яркий типаж, как у твоей подруги.

Ульяна фыркнула.

Кирилл, словно не заметив ее скептической ухмылки, наклонился к центру стола, прошептал заговорщицки:

– Если вы не намерены быть с первого дня пайнками, то приглашаю вас на экскурсию по станции.

Наташа округлила глаза и отодвинула от него свой поднос – наглец потянулся за второй веточкой жареной спаржи. Тот ловко утащил гренку с подноса Ульяны.

– Экскурсия же назавтра назначена.

– Если вы хотите увидеть станцию такой как её видят только навигаторы, то я вас жду после отбоя в холле нулевого уровня.

И, ещё раз подмигнув Наташе, с подозрением уставившейся на него, встал и направился к стойке раздачи ужина.

– Ты его знаешь? – Ульяна проводила его удивленным взглядом.

Наташа уклончиво скосилась в окно: за ним расплывалась проекция облаков, подсвеченных розовым закатом.

– Немного, – и тут же перевела тему: – Ты, как я погляжу, бромох не нашла...

Она показала глазами на тёмную поверхность креоника, которую Ульяна положила на стол, рядом с подносом. Девушка шумно фыркнула:

– Ещё бы знать, что это такое...

Наташа показала на свой широкий браслет, закреплённый на левой руке: в нем оказалась закреплена пластинка креоника, по которой зеленым ручейком бежала цепочка цифр.

– А что это за цифры? – Ульяна приблизила к себе руку подруги, чтобы рассмотреть.

Наташа хмыкнула и отпила из высокого стаканчика клюквенный морс – счётчик моргнул и выдал цифру 715. Наташа пояснила:

– Это биометрические показатели за день: потреблённое количество жиров, белков, углеводов, йода, калия, магния. Да, они заботятся, чтобы я была в наилучшей физической форме.

– Кто «они»?

– Те, кто всем этим заправляют и кто притащили меня с Земли.

Ульяна округлила глаза и забыла проглотить кусок тушёной курицы (или того, что на неё очень сильно походило):

– Как это работает?

Подруга пожала плечами:

– Не имею понятия. Знающие люди, – она многозначительно кивнула, – говорят, что ткань формы снабжена датчиками, рецепторами, не знаю, чем там ещё. Они передают данные в брало, а те, в свою очередь, отражаются на дисплее.

Она отправила в рот кусочек спаржи и добавила:

– Но это всё, если верить знающим людям, которые могут оказаться и не такими знающими, а понтоваться.

Ульяна прищурила правый глаз:

– Что ж это за знающие люди такие, а?

Наташа предпочла сделать вид, что не услышала.

– Пойдем на экскурсию? – девушка умело сменила тему.

За соседним столиком устраивалась шумная компания, говорили на французском, активно жестикулировали. Низкорослый парень с интересом поглядывал на Ульяну. Та отвернулась.

– Я вот обратила внимание, что здесь есть такие группки, – Наташа прищурилась и наклонилась вперед, чтобы гомон за соседним столиком перекрыть. – Они как бы устоявшиеся. По возрасту разные, явно. Но говорят на одном языке, предполагаю, что их как-то собирают вместе специально. Может, чтобы им комфортнее было. Ну, там, социокультурная общность, общее меню, взгляды и симпатии, всё такое. А, может быть, это – уже сформированные экипажи. Здесь вроде как стажировку один раз в год все обязаны проходить.

Она кивнула сама себе. А Ульяна замерла: в столовую, словно кучевое облако вошли трое – высокие, с абсолютно белыми волосами, бесцветными льдинками глаз. Двоих она видела впервые, третьего звали Паль Сабо, и он презрительно скривился, увидев шумную компанию французов, а встретившись с Ульяной взглядом, что-то бросил своим товарищам. Те равнодушно на неё уставились и, мерзко осклабившись, прошли в дальний угол столовой, где заняли большой столик.

Ульяна посмотрела на подругу:

– Слушай, они что, альбиносы? Это ведь вроде как редкое явление, а тут прям несколько человек.

– По сведениям всё того же непроверенного источника, эти альбиносы – креонидяне. Там все такие.

– Они – инопланетяне?! – Ульяна открыла рот.

Наташа уставилась на неё:

– Не поняла – ты шутишь, что ли? Это реально космическая станция. Здесь представители нескольких гуманоидных и гибридных рас! Вот мы – гуманоиды. Наш куратор – ты заметила его зрачки-щелочки? – явно, клириканец, гуманоидизированный рептилоид. А эти, – она кивнула на Паль Сабо, – амфибии. Мы находимся на расстоянии нескольких десятков световых лет от Солнечной системы. Ближайшая к нам планета – Креонида. Кстати, директор Академии – креонидянин, Кромлех Циотан. И начальник станции – тоже.

Ульяна прищурилась:

– Это – информация всё того же непроверенного источника?

Наташа стала серьезной:

– Нет, это я узнала, когда случайно попала в техотсек. Я видела, как стыкуются корабли, видела представителей разных рас. И знаешь, – она понизила голос до шепота, – у меня не сложилось такое впечатление, что наш союз с ними так уж безоблачен.

Ульяна медленно обернулась в дальний угол – её спину сверлила пара бесцветных рыбьих глаз.

3

Артём в сотый раз перечитывал показатели биометрии «Фокуса». Расшифровка активности нейронов поражала, а аппаратура фиксировала формирование структуры, по сложности и структурированности нейронных связей аналогичной мозгу человека. Пару минут назад Василий Крыж, выхватив из системного блока флажки креопластин, умчался в свою конуру делать полную расшифровку структуры вируса, подсаженного им «Фокусу».

– Хочешь сказать, что ты не пальцем в небо попал? Что ты предвидел все это? – Артем тряс перед носом друга выпиской из протокола диагностики. – Тогда докажи это мне!

Повздорили.

На душе было пакостно. Артём чувствовал себя слепым котенком. Блестящий результат, которого добились так неожиданно, выглядел случайностью. Стечением обстоятельств, которые никто никогда не сможет повторить. Никто и никогда. В том числе и он сам, Артём Пауков.

– Невероятно, – прошептал он, заглянув через прозрачную мембрану в вакуумную лабораторную зону. В невидимом силовом поле замер корабль, напоминающий огромного дельфина или кита. Вытянутая носовая часть, чуть расставленные паруса энергоемкостей и маневровых двигателей. Квазититановый корпус светился изнутри – тоже последствия оживления «Фокуса». Температурные датчики зашкаливали.

– Что скажешь? – Артём вздрогнул от неожиданного вопроса. Кромлех не отходил от него весь вечер, устроив штаб-квартиру в лаборатории генной инженерии. Но ученый забывал за работой о присутствующем начальстве.

Артём прищурился:

– Нужно попробовать наладить контакт с «Фокусом» ...

– Ты шутишь? – директор не дал ему договорить. – Это корабль, жестянка.

– Уже нет. Диагностика, хоть ещё и предстоит сделать полную пато- и физиологическую интерпретацию полученных сегодня материалов, даёт основание полагать, что перед нами – образец искусственного разума. Безо всяких оговорок «квази» или «прото». В настоящий момент у него завершается восстановление пробелов в структуре нейронных связей, изменяется состав клеток, происходит наращивание мышечной массы, меняется способ взаимодействия между органами и системами жизнеобеспечения.

– Погоди, Артём. Что значит «меняется способ жизнеобеспечения» – он иначе работает? Чем он заправляется? Какой тип энергии использует? Нам нужны его полные характеристики.

Артём посмотрел на светящийся чёрно-оранжевым корпус корабля:

– Он эволюционирует, не изменяя базовых параметров. Тип энергии, думаю, в конечном счете должен остаться прежним – водородное топливо, космическая радиация, гравитационные волны. Скорее всего, комбинаторность сохранится.

Кромлех настороженно нахмурился:

– Сохранится... То есть, если бы изначально, до посадки вируса в «Фокус» были бы заложены иные параметры, то мы могли бы получить объект другого назначения?

Артём задумался. Он понимал, к чему клонит начальник – это и само приходило ему в голову не один раз за этот вечер. Но тон, с которым был задан вопрос ему не понравился.

– Вы хотите спросить, если бы мы строили военный крейсер или линкор, то получили бы мы машину смерти в итоге? – он резко обернулся на креонидянина. Тот без тени смущения ждал ответа. – Я рад, что мы строили исследовательский борт.

– Я тоже, – уклончиво отозвался Кромлех, вставая. – Что тебе ещё нужно, чтобы скорее закончить диагностику и сделать официальный отчёт?

Артём посмотрел на стройные ряды показателей, ежеминутно обновляющихся:

– Мне нужен сенсоид. Но совершенно уникальный.

Кромлех согласно кивнул:

– И не болтливый в первую очередь. Дерзай, у тебя доступ ко всей базе, начиная стажерами и заканчивая опытными навигаторами-сенсоидами. Если нужны дополнительные проверки, отбери фокус-группу, проверим. У тебя в руках полный карт-бланш от руководства Космофлота и от меня лично... Я тоже подумаю на счёт кандидатуры.

И, отечески похлопав его по плечу, Кромлех удалился из лаборатории. Артём ещё долго смотрел ему вслед, пока широкая спина, обтянутая белым мундиром, не скрылась за поворотом.

Глава 5. Тамту

1

Широкий стол заставлен креопластинами. Сотрудники лаборатории сбрасывали по локальной сети сводные таблицы и всю аналитику. Артём перебрал на монитор обновленную константой Страхова-Ригсби молекулу ДНК «Фокуса» и увеличил изображение. Отметил на схеме участки спирали, в которых изменилась последовательность нуклеотидов. Выходит, вирус спровоцировал изменение первичной структуры ДНК. Интересно, что больше всего мутации подверглась фосфатная группа.

Артём вздохнул и устало помассировал виски: нет ничего хуже, чем догонять ушедший вчера поезд. Предстояла кропотливая работа по выявлению принципов и векторов произошедшей мутации.

Хороший оператор был бы как нельзя кстати.

Он отодвинул изображение модернизированной молекулы ДНК «Фокуса» в нижний угол экрана, раскрыл базу данных навигаторов.

Ввёл базовые параметры в поисковик, запустил фильтр. Ему нужен сенсоид группы А, сенсоид высшей категории. Пролистывая личные дела, он искал нечто выдающееся – высокие адаптивные свойства. Поисковик продолжал предлагать ему все новые кандидатуры, а Артём уже понял, что ищет не там. Остановив программу, скорректировал запрос, зависив базовые параметры на треть. Строка поиска загорелась красным, предупреждая об ошибке в заложенных параметрах.

– И всё же поищи, – прошептал Артём и снова нажал кнопку ввода. Окошко возможных кандидатов быстро опустело.

«Очевидно, я хочу невозможного», – мелькнуло в голове, а пальцы выбрали функцию повторного поиска, расширив базу до новичков и новобранцев.

Этих придется смотреть вручную – их параметры ещё не занесены в систему.

Артём методично отбраковывал кандидатов, понимая, что, скорее всего, придётся начать всё заново, только не так придирчиво.

Взгляд остановился на ярко-красной шевелюре, сердце пропустило удар от удивления. Открыл личное дело: «Рогова Ульяна Аркадьевна, 1999 года рождения, 17 марта», девчонка, которой он одолжил свою куртку и так бестолково оставил.

– Так ты сенсоид? – он открыл вкладку химико-биологических и генетических показателей.

Задумался.

Посмотрев на вибрировавший за прозрачной мембраной «Фокус», а потом закрыл личное дело девушки и вышел из кабинета.

2

– Тсссс, – Кир схватил Ульяну за локоть, заставив присесть на одно колено в тени лохматой пальмы у подъёмника. – Шас патруль пройдет...

Они решились. Пять минут назад, проскочив сквозь ярко-зелёные клыки сканера, Ульяна уже бежала за Наташей. Её пушистая макушка мелькала в полумраке опустевших коридоров.

– А нам что за это будет?

– Не знаю, – Наташа тихо смеялась, заскакивая в прозрачную трубу подъемника. – Мы ещё не прошли полную диагностику и не дали присягу, так что, верней всего, ничего... Или на кухню отправят чистить картошку!

– Ну, мы даём, – с сомнением отозвалась Ульяна и нырнула за подругой в пневмолифт.

Уже знакомо заложило уши. Выскочив в холле, девушки огляделись. Их перехватил Кирилл, подмигнув Наташе. Кажется, Ульяна догадалась, кто был тем самым осведомленным непроверенным источником. Усмехнувшись, огляделась по сторонам.

Ближайший ярус, молочно-белый, с серебристой единицей под звездным осьминогом был еще ярко освещен.

– А что там? – прошептала она, кивая в сторону залитых холодным светом коридоров.

Кирилл отмахнулся:

– Лаборатории. Всё жутко секретно. А то, что можно посмотреть, вам завтра покажет Боз Удгрин.

Ульяна была уверена, что за прозрачной стеной мелькнула тень человека: широкие плечи, светлые волосы, строго зачесанны на косой пробор. Человек вышел из помещений к лифтам.

– Вот же гадство, увидит щас, – прошипел Кирилл, прячась в тени тумбы.

Но им повезло – не увидел. Незнакомец, не отрывая взгляд от планшета, зашёл в кабину лифта, и та утянула его ярусом выше, в жилой сектор лабораторий.

Ульяне показалось, что это тот самый парень, куртку которого она так бессовестно стащила.

– Уф, – с облегчением выдохнул Кир. – Ну, мои красавицы, приглашаю вас стать невидимками.

Он протянул руку и отобрал у девушек креоники, спрятал в корнях пальмы.

Вытащил из кармана несколько кружков.

– Мадам, позвольте пришпандорить, – он приклеил на нагрудный карман Наташе. – Теперь вы – сотрудники технической службы.

– Откуда ты взял их? – Ульяна со всей ясностью поняла незаконность происходящего. Авдеев потянул Наташу к выходу из Академии. Ульяна осталась стоять на месте.

– Эй, феечкам не положено трусить, – протянул Кир.

– Я сама разберусь, что мне можно, а что – нет. И я не феечка.

Он примирительно скривился, наклонил голову:

– Хорошо, раз в наших рядах имеются потенциальные отличники, объясню: вы – не под присягой, незначительное нарушение режима и выход за пределы Академии после отбоя вам вреда не причинят...

– А это? – Ульяна показала на приклеенный к груди золотистый значок.

– А это я одолжил на складе, – парень моргнул и честно на неё уставился. – Дамы, либо мы идем, либо через три минуты будет очередной патруль, и на том наша экскурсия закончится, так как меня загребут на общественно-полезные работы драить камбузы и чистить рыбу.

Наташа умоляюще посмотрела на подругу, прошептав одними губами: «Пожалуйста».

Ульяна закатила глаза к потолку, вздохнула и шагнула за ненормальной подругой и безбашенным экскурсоводом, уже ругая себя, что подписалась на сомнительную авантюру.

Миновав круглую площадь Кроны, они вышли к транспортировочному узлу.

– Куда мы идем? – Наташа с любопытством уставилась на провожатого.

Тот промолчал, подозвал их ближе и нырнул в тёмный провал между плитами обшивки. Узкая винтовая лестница круто уходила вниз, под площадь.

Там, в желтом освещении никогда не спящей станции, сновали механизмы очистки, вентиляции и кондиционирования. Мусоросборщики прессовали и подготавливали к уничтожению накопившиеся за день отходы. На другом ярусе конвейер сортировал вычищенную и выстиранную одежду.

Здесь пахло машинным маслом, креозотом и химикатами. Пространства практически никак не разделялись, зонирюясь лишь условно по функциональному назначению. Благодаря этому можно было охватить станцию взглядом от края до края.

Но Кир тянул их дальше вниз, мимо сектора с законсервированными роботами, чьи замершие фигуры в полумраке казались призраками, готовыми вот-вот атаковать.

Лестница сделала последний поворот и выплюнула их на шершавое покрытие желтой полосатой дорожки, вдоль которой, выстроившись в два ряда, плотно друг к другу стояли серебристые полусферы.

– Нам сюда, – приглушенно проговорил Кир и постучал по корпусу ближайшего из них.

В стене образовалась щель, которая при увеличении оказалась люком. Из него выглянула всклокоченная голова белобрысого парня:

– Авдей, я тебя убью. Нафига так долго.

Кир, покосившись на Ульяну, пробурчал:

– Были некоторые технические заминки.

– Ну, быстрее давайте, у меня уже разрешение на вылет заканчивается, путевой лист аннулируют и всё, – он выразительно присвистнул и неопределённо махнул рукой.

– Вылет? – Наташа округлила глаза. – Ты же про экскурсию говорил.

– Я говорил про станцию, которую вам никто никогда не покажет, пока вы не получите сертификат о полной полётной подготовке, – Авдеев выставил к потолку указательный палец. – И я готов сдержать обещание. Кто не хочет, может ждать тут.

Он красноречиво посмотрел девушек.

Ульяна обреченно вздохнула и первой забралась внутрь летательного аппарата.

– Приветствую вас на борту диагностической шлюпки класса Аванта, – пафосно заговорил белобрысый. – Шлюпка оснащена техническими средствами для мелкого ремонта станции, космических кораблей постоянного или временного базирования. Вашим гидом на сегодня буду я, Иван Лапин, техник-смотритель 1 уровня галактической станции Тамту.

И он театрально махнул головой, представляясь.

Наташа и Ульяна переглянулись и прыснули в кулаки.

Шлюпка класса Аванта оказалась двухместным судёнышком, поэтому более или менее удобное кресло, кроме, собственно, самого Лапина, досталось только Ульяне, зашедшей раньше спутников. Наташе пришлось устроиться на выдвинутом ящике с запасными креопластинами. А Кирилл плюхнулся прямо на пол.

Пол дрогнул, сработала автоматика запуска, и шлюпка выплыла за пределы станции.

Ульяна ничего особенного не испытала: ничего не было видно. Вернее, белобрысый техник первого ранга как-то ориентировался по радарам и датчикам. А вот пассажирам не досталось и этого удовольствия: они просто пилились на голые серые стены. Ульяна нашла четыре пятна машинного масла перед собой и приклеенную скотчем почтовую марку с фотографией ярко накрашенных дамских губ.

Двигатели остановились, в шлюпке воцарилась тишина.

– Мы прибыли на место обзора, которое в нашем путеводителе значится как Козырное.

Ульяна открыла рот, чтобы призвать к совести бесстыжего балабола, но тот, набрав код, воскликнул: «Але-оп», – и по-театральному широко расставил руки.

Округлый купол медленно распахнулся, впуская внутрь ослепительно яркий свет. Ульяна зажмурилась.

– Ой, пардоньте муа, – техник первого уровня Иван Лапин виртуозно выругался и поставил затемнение на прозрачной поверхности.

Ульяна встала в полный рост.

Бесконечная звездная пыль за бортом, словно светлячки,плыли мимо, с тихим шелестом касаясь обшивки. Матовый бок космической станции, круглой, как шар для боулинга, с

синевато-прозрачными прорезями стыковочных шлюзов и регуляторов давления загораживал добрую половину панорамы.

– Галактическая станция Тамту с точки зрения своего функционального назначения является универсальным космодромом постоянного базирования, – важно начал Кирилл. – Если мы выйдем на её орбиту под другим градусом...

– Не выйдем, разрешения нет, – на всякий случай резонно уточнил Иван и покачал головой.

– ... то мы увидим сам космодром постоянного базирования.

– Так это военный объект? – Наташа встала рядом с Ульяной, вытянула шею, всматриваясь в бурую поверхность станции.

– Ну, как бы нет, – хмыкнул Кирилл, – но, опять же и да. Официально Единая галактика не ведет военных действий и в вооруженных силах Космофлота не нуждается. Последняя война была, если верить программе курса, сто пятнадцать лет назад. Земля не принимала в ней участие, как вы понимаете. Тёрки местных были между собой.

– Так Земля официально в составе этого объединения? – Ульяна открыла рот от удивления.

– Конечно, нелегально такое количество народа с планеты не вывезти. Правительство в курсе, все необходимые данные для заочного отбора производятся совершенно законно. Есть соответствующие контактные подразделения, которые обеспечивают всем служащим легенду, – резонно отметил Иван. – Или ты думаешь тебя марсиане похитили?

Кирилл пояснил:

– Земля давно в составе Союза под эгидой ООН. Широкому кругу лиц это, конечно, не известно... Меньше знаешь, лучше спишь. Наш ближайший сосед там, – он указал на светящийся голубым шарик, размером не больше пингпонгового, – Креонида. Планета с идентичными Земле физическими и химико-биологическими параметрами, только масса и удаленность от Глаугели, их звезды, чуть больше. Ну, с местными обитателями вы успели познакомиться, верно?

Ульяна кивнула.

– А почему Тамту не на орбите какой-нибудь планеты?

– Она на орбите и есть, только методом замещения, он все-таки наиболее стабильный. На месте Тамту когда-то была необитаемая планетка Флигель. Её взорвали, а Тамту с такой же расчетной массой – установили на её орбиту. И теперь вокруг Глаугели болтается пять планет, один газовый гигант на периферии и Тамту – искусственный подкидьш.

– И что, мир, дружба, любовь? – Наташа внимательно посмотрела на ребят.

– Ну, вроде того...

– А зачем мы им нужны? – Ульяна почувствовала неуверенность в голосе сегодняшнего гида. – Это же высокоразвитая цивилизация, раз вот так занимается моделированием собственной звездной системы...

Кир и Иван переглянулись, Кирилл хмыкнул.

– Мы им нужны для управления их транспортом, связью...

– Рабочие лошадки? – не без иронии уточнила Ульяна.

– Оказалось, что сформированный искусственный протоинтеллект лучше всего адаптируется к нашей нервной системе, что не может не вызывать некоторое недовольство со стороны креонидян, клириканцев и церианцев, особенно первых. Но создать иные технологии пока не могут.

– И вряд ли смогут, – отметил техник-смотритель первого уровня, протягивая девушкам по конфете в яркой обертке, – нейропрограммирование признано наиболее перспективной веткой генной инженерии, – Иван Лапин неожиданно посерьезнел. – На станции есть несколько

секретных лабораторий, которые занимаются развитием этих направлений. Так что роль землян вряд ли будет нивелирована. Слышал, что у Паука получилось?

Последний вопрос был адресован исключительно Авдееву. Тот мотнул головой:

– Что-то слышал. Там вроде какое-то ЧП.

Иван фыркнул и с сомнением пожал плечами:

– У Паукова не бывает ЧП, сам знаешь. Но ходят слухи, что-то удивительное получилось.

– Откуда знаешь?

– Каримыч настройку оборудования делал Паукову. Видел краем глаза метки на креодисках. И ещё, все военные и суда сопровождения сегодня во второй половине дня отогнали на запасные космодромы. И на завтра закрыта вся взлетно-посадочная полоса: ожидают Высокую комиссию.

Кирилл многозначительно хмыкнул.

Ульяна и Наташа переглянулись и одновременно пожали плечами.

Глава 6. Экскурсия

1

14 июля 2018 года

Утром в лабораторию снова явился Кромлех, Артём только успел выгрузить диаграмму ночного наблюдения.

– Я всё думал на счёт нашего вчерашнего разговора, – доверительно начал директор, нависнув над столом.

Артём насторожился.

– Я думаю, у меня есть подходящий кандидат для этого непростого дела.

Артём поднял глаза на креонидянина: интерес к проекту всё сильнее смахивал на желание вмешаться. Помнится, когда решался вопрос о месте размещения лаборатории, Креонида гарантировала членам Единой галактики невмешательство и открытый доступ к исследованиям. Сейчас, когда проект «Фокус» неожиданно вышел на завершающую стадию, да ещё с такими уникальными показателями, Артём всё чётче ощущал нездоровое присутствие и желание прибрать к перепончатым рукам его разработку.

– Я слушаю, – отозвался он суше, чем следовало.

Кромлех покосился на него, на бледном лице остро выступили желваки:

– Паль Сабо, один из лучших сенсоидов курса, показатели уровня В. Конечно, он ещё молод и неопытен, но то, что он находится на территории Академии, делает возможным круглосуточное участие в разработке.

Артём усмехнулся, пристально посмотрел на директора: оба поняли, чего он хочет.

Он хочет доступ к рабочим материалам, оберегая которые, Артём – спасибо Василевсу – завёл отдельный, не связанный со станцией сервер.

Паль Сабо – креонидянин. Стань он оператором «Фокуса» в период тестирования, Кромлех получит данные о разработке. Более того, он получит возможность влиять на эти разработки и на их результаты. Но одно дело понимать, а другое – вступить в открытую конфронтацию со всеильным директором академии.

Артём опустил глаза.

– Давайте посмотрим его параметры, – уклончиво предложил он.

– Параметры отличные, уверяю вас, – с нажимом повторил директор.

– Я должен убедиться в этом сам. До настоящего момента, руководителем проекта являюсь я. Ваш мандат ограничивается предоставлением помещения для лаборатории биогенной инженерии и координацией с другими лабораториями. Я ничего не путаю?

Кромлех недовольно насупил, белёсые глаза приобрели ледяную решительность.

– И всё же посмотрите. Личное дело 2046-дельта-1.

– Я найду, – кивнул Артём, отворачиваясь к монитору.

2

Полусонные Ульяна и Наташа появились в холле первого этажа и, зевая, присоединились к остальным курсантам. Кирилл, конечно, ещё спал. Во всяком случае, на экскурсии его не было. Зато Ульяна увидела вчерашних знакомцев из института мерзлотоведения – белобрысого парня с глазами Пьеро и иностранца. Приветливо кивнув обоим, она встала чуть в стороне,

уперлась плечом в гладкую поверхность колонны, и, прислонившись виском к полированной поверхности, окунулась в дрему.

– Дорогие первокурсники, – нарочито бодро начал Боз Удгрин, оглядывая небольшую группу первокурсников. В форме отличающиеся лишь нагрудными знаками, они все больше походили на клонов. Вот только эта, огненно-рыжая землянка, выделялась. Нет, не цветом волос. На эти мелочи пожилой клириканец давно не обращал внимания.

Боз Удгрин, педагог с сорокалетним стажем, готов был поклясться, что эта девушка всех скоро удивит. Есть что-то во взгляде талантливых курсантов, что-то особенное. Он подбирает слово. А потом вспомнил глаза другого своего ученика, экстерном закончившего несколько лет назад факультет биогенной инженерии, и слово всплыло само. Одержимость. Слово их души и вправду – вместилище Божьего Провидения.

Пожилой учитель вздохнул:

– Как я надеюсь, вы уже успели ознакомиться с базовыми файлами, – от этих слов Ульяна покраснела. – Вы – курсанты академии Космофлота Единой галактики, крупнейшего образовательного учреждения, выпускающего ведущих специалистов в таких областях, как сенсорная навигация, биогенная инженерия и программирование, средства и программы коммуникации, робототехника и кибернизация. Многие вещи, которые вас сейчас окружают, – разработки наших выпускников. Кто назовет хотя бы несколько из них?

Белобрысый парень, вчерашний попутчик, показал на широкий черный браслет:

– Бромох – разработка выпускников факультета робототехники и кибернизации землянина Брмова и клириканца Оха. Браслет с биоактивными панелями для активации дополнительных функций костюмов военного и гражданского назначения. Лианиновое полотно, сменившее нейромеханическое волокно, сейчас используют в медицинских центрах для диагностики, а его более продвинутую модель, лианин А как покрытие кресел навигаторов для обеспечения максимально полной передачи информации от оператора к протоискусственному интеллекту корабля – разработка биогенного инженера-землянина Паукова Артёма Геннадьевича...

Ульяна перевела взгляд на подругу – вот если бы не шатались полночи, тоже, может быть, блеснули знаниями, а сейчас стоят, слушают.

– Совершенно верно. Сюда можно отнести и уже знакомые вам незаменимые креоники – информационные экраны с табло из оксида кремния. И прекрасное изобретение – дендрогалевое полотно, из которого выполнена ваша форма, – удачная посадка по фигуре – её уникальное свойство. Так что вы находитесь в эпицентре развития Галактики, – он сделал выразительную паузу, – цените это.

Дальше он, начиная с верхних уровней, повел курсантов извилистыми коридорами, показывая административные помещения, огромный конференц-зал, оранжерею, лаборатории, оснащение учебных аудиторий факультетов. Ульяна чувствовала, что не верит сама себе. И, если бы не вчерашняя экскурсия, она бы по-прежнему думала, что все вокруг – розыгрыш. Но она видела станцию. Она была в открытом космосе. Она видела оранжево-красное сияние Глаугели и синюю точку – планету Креониду.

В лекционных залах шли занятия. На тренажерах курсанты-навигаторы отрабатывали маневры. Им, первокурсникам, тоже разрешили попробовать.

Ульяна, усевшись в громоздкое кресло, почувствовала, как зашевелилась и завибрировала под ней его бархатистая поверхность. Девушка удивленно уставилась на потянувшиеся к ней ворсинки, прочно и безболезненно прилипшие к ладоням.

– Да, это и есть лианин А, – стоявший рядом старшекурсник протянул ей тонкие проводки с наконечниками-присосками. – Это на висках закрепи.

Ульяна так и сделала.

Закрыла глаза и словно вывалилась в космическое пространство: потоки звезд и космической пыли, тишина, и полное одиночество. Ульяна не чувствовала опоры и хаотично вращалась. Голос снаружи подсказал: «Попробуй удержать равновесие, командуй».

Девушка расставила руки и заставила себя повернуться навстречу вращению. Пространство вокруг внезапно приобрело очертания, медленно, словно на фотопленке, проявлялись планеты. А рядом с девушкой материализовалась станция Тамту: коричневый титановый шар в оспинах, ошестинившийся бортовыми орудиями прибывающих космических кораблей.

Шорох над ухом. Настойчивое прикосновение. Ульяна повернулась и окунулась в темноту.

– Вы себя хорошо чувствуете? – Боз Удгрин разглядывал её удивленно и протягивал стаканчик с дымящейся жидкостью. Все присутствующие, приоткрыв рты, бесцеремонно тыкали в неё пальцами и обсуждали без стеснения. Ульяна осторожно отпила и поморщилась – напиток оказался чудовищно горьким.

– Что это?

– Это должно восстановить ваши силы и моторику.

– Да у меня все нормально, – девушка в доказательство вытянула руку и покрутила кистью.

– Голова не кружится? – преподаватель перехватил руку, замерил пульс.

– Да нормально всё. Что случилось то?

– Вам удалось мысленно выйти из учебной программы в реал.

Ульяна уставилась на него:

– Это нельзя было делать? Или что?

– Этого невозможно сделать, – Боз Удгрин недоумевающе пожал плечами.

Подождав еще пару минут, пока куратор не убедился в состоянии девушки, экскурсия продолжилась. Только информация, которую рассказывал клириканец, теперь мало кого интересовала – все разглядывали Ульяну. К их малочисленной компании на этой почве присоединились несколько курсантов старших курсов.

Девушку это начинало донимать:

– Что они пялятся все? Я себя обезьянкой в зоопарке чувствую.

Наташа пожалала плечами – она тоже ничего не понимала. Хотя её первое погружение в кресло навигатора произошло без происшествий – если не считать того, что, послушно выполнив несколько пробных манёвров, она благополучно потеряла сознание.

Их провели в лабораторный сектор. Белоснежные, с хромированной отделкой стенные панели, матовое стекло дверей, всё овеяно тайной и загадкой. Ульяна вытянула шею в надежде увидеть вчерашнего знакомого: на его креонике значилось что-то про лабораторию и гены. «Наверно, здесь работает. Может, лаборант или младший научный сотрудник», – гадала она про себя. Но за стерильными перегородками не было видно ни одного намека на движение.

Девушка вздохнула и отвернулась:

– Сейчас мы с вами находимся в сердце факультета генной инженерии и программирования – его лабораторном комплексе, – объявил куратор около лифтов. – Здесь усложненный режим допуска, так что мы с вами сможем пройти в музей, где вы увидите разработки наших выпускников – лианиновое полотно, опытные образцы других перспективных материалов и оборудования.

И он распахнул перед группой курсантов широкую прозрачную дверь, за которой оказался коридор. Ульяна плелась в хвосте группы.

3

Расставшись с Кромлехом, Артём открыл дело Паля Сабо. Конечно, характеристики впечатляли. Среди креонидян сенсоидов не так много: нет генетической предрасположенности. А этот был довольно неплох. Ещё он принадлежал к древнему роду, представитель которого возглавлял правительство Креониды и Совет по контактам. Ясно, почему директор так о нём печётся. И вопрос: нужно ли это ему, Артёму?

Молодой человек встал, прошёлся от стола к двери и обратно. С одной стороны, дело важнее личных симпатий и антипатий. С другой, это возможность для Кромлеха соваться в проект всеми руками и ногами.

Артём запустил очередной поиск по параметрам. Его интересовала адаптивная сенсоизация, ещё лучше – сенсоизация группы А: редкое свойство повышенной, экстраординарной способности нервной системы, позволяющее навигатору полностью смыкаться с объектом управления. База не формировалась – программа будто подвисла.

Артём вздохнул, выпрямился, расправил широкие плечи, размял затекшую шею. Поверх открытых им поисковых окон выплыла жёлтая папка с пометкой «новое». Артём автоматически открыл её: на него, словно преследуя, смотрела вчерашняя рыжеволосая фея, Ульяна Рогова. В короткой служебной записке, прикрепленной к личному делу, значилась информация о выявленной особенности курсанта Роговой «во время пробного маневра на тренажере... резкий выплеск окситоцинов и дофаминов... выход из учебной программы».

Он не успел дочитать: встал в полный рост, прислушиваясь к гомону голосов около кабинета. В узком просвете прозрачной панели показалась группа курсантов и куратор Боз Удгрин. И рядом с ними – счастливая физиономия Василевса. Артём сощурился, но нажал кнопку допуска в кабинет.

Дверь распахнулась, впуская одновременно Васю Крыжа и приглушенный шепот первокурсников.

– Артём, пошли хоть позавтракаем, я всю ночь твоё задание выполнял, жрать хочу аки негр на галерах!

Из-за его спины мелькнула ярко-оранжевая шевелюра, синие, удивленно-радостные глаза остановились на лице Артёма, на губах просияла по-детски широкая улыбка:

– Приве-ет! – вчерашняя незнакомка, толкнув не успевшую закрыться дверь и оттесняя онемевшего Крыжа, бросилась к Артёму. – Так хорошо, что тебя здесь увидела! У меня же куртка твоя осталась! Так глупо получилось: я вышла из кабины, а тебя уже и след простыл.

Распахнутые глаза приближались. Артем сообразил, что на мониторе крупным планом – фотография этой самой девушки. И буквально через мгновение она поравняется с экраном и увидит это. Чертыхнувшись про себя, он ловко смахнул папку с рабочего стола.

– Да, не велика потеря, – он бросил взгляд на глупо улыбающегося за спиной девушки Василя. – До следующего отпуска она мне всё равно не понадобится.

Девушка отчаянно мотнула головой:

– Нет, это неправильно. Я должна тебе её передать. Как тебе удобнее – сюда принести или где-то пересечёмся?

– Давай вечером, в кафе «Вивьен», это на площади Кроны. В семь, – Артем почесал подбородок, смущенно сообразив, что сегодня ещё не брился.

Девушка кивнула:

– Хорошо, я буду, – она только сейчас заметила Василя у себя за спиной, жутко смутилась, шагнула спиной к выходу и едва не снесла со стола стопку креопластин. – Простите, я, наверное, помешала...

Артём нажал кнопку, позволив ей убежать. Рыжее облако, отразившись в белоснежном глянце стен, скрылось из виду.

Василий хлопал глазами и продолжал глупо улыбаться:

– Это что за чудо вообще?

– Лучше не спрашивай, – отмахнулся Артём. – Пошли и вправду поедим, мне ещё, похоже, картотеку навигаторов перебирать вручную.

Они вышли из кабинета начальника лаборатории биогенной инженерии.

Монитор, подключённый к выделенному серверу «Фокуса», мигнул. На экране появилась шкала загрузки.

Глава 7. Первые лекции

1

– Ты где была? – Наташа ожидала её у лифта и уже заметно нервничала. – Я уже думала, тебя забрали на опыты, – добавила она и улыбнулась. – Шучу я. Боз Удгрин сказал, что у нас перерыв до десяти. Потом занятия по расписанию. Сегодня будут общие дисциплины для всех первокурсников. Планетология и полётная техника.

Ульяна кивнула, пряча загадочную улыбку.

«Ведь он мог попросить принести курку сюда, а позвал в кафе, – пульсировало в висках, отдаваясь в груди сладким томлением. – Интересно, это можно расценивать как свидание?»

– Алле, Ульян, я с тобой говорю? – удивленные глаза подруги.

Ульяна смутилась:

– Прости, задумалась просто.

– Да нет проблем. В столовку пойдем? Или ты как?

Перекусить – дело хорошее.

– Нет, лучше с компьютером и базой местной поворкую, не хочу быть баобабом на лекции, – она нажала кнопку вызова лифта. – Кстати, а где тут кафе «Вивьен» – не знаешь?

Наташа вытаращилась на неё:

– А тебе зачем?

Они зашли внутрь прозрачной кабинки. Мягкий толчок, и та, разгоняясь, увлекла их в седьмой сектор.

– Я ещё в Якутске познакомилась с парнем. Он, оказывается, здесь в лаборатории генной работает. Я ему одну вещь должна отдать. Договорились, что сегодня вечером в «Вивьен».

Наташа изогнула бровь и многозначительно хмыкнула:

– Сколько загадок...

– Да, ну, брось подкалывать. Это ничего не значит, – отмахнулась Ульяна, пряча ликование в душе.

– А кем он там, в лаборатории? Что за чел?

Ульяна покраснела, закусил губу.

– Не знаю я, лаборант, наверное. Молодой, чуть старше нас. Я не посмотрела, что было написано на кабинете.

Наташа засопела от любопытства:

– Хоть симпатичный?

Ульяна автоматически потянулась к кончику носа – спрятать улыбку.

– Симпатичный.

2

Первой значилась лекция по сравнительной планетологии. Высокая, худая, как жердь, дама поприветствовала их сухо и немногословно:

– Меня зовут Инесса Армановна Рубин, ударение на первый слог. Кто назовет меня драгоценным булыжником, может не рассчитывать на сдачу экзамена, – сурово пояснила она.

Как Ульяна не приглядывалась, она не могла понять, какой расе может принадлежать настолько некрасивая женщина. Более того, когда она говорила, возникало подозрение, что она и не женщина вовсе.

Ульяна постаралась сосредоточиться.

– Я не рассчитываю найти среди вас существ, которые с лёгкостью отличат рыхлую планету или своевременно выйдут из гравитационного поля чёрной планеты. Но надеюсь, что хоть какие-то знания в ваши головы мне удастся вложить. Сравнительная планетология включает в себя целый комплекс наук, потому что это различные аспекты жизни отдельных небесных тел. В исследованиях планет мы всегда оглядываемся на родную планету, отсюда – разность подходов и классификаций. На этом курсе мы постараемся исходить из общих критериев. Собственно, задача сравнительной планетологии в конечном итоге – понять, каким образом те исследования, которые мы проводим, проецируются обратно на исследования нашей собственной планеты и какой вклад они могут сделать в наше понимание того, что на ней происходит.

Введение в курс, тридцать восемь типов классификации обитаемых планет и еще сто двенадцать признаков планеты-убийцы – это то, что навигаторы были должны знать уже завтра. Отличница с первого класса, выпускница лучшей в регионе гимназии Ульяна чувствовала себя маленьким тупоносым Буратино с закипающим от количества новой информации мозгом.

– Блииин, – выдохнула Наташа после лекции, – у меня такое ощущение, что пол-лекции было на китайском, а вторая половина – на хинди.

Она бессильно терла виски, хлопала ресницами и стонала.

– Что там у нас после перерыва?

Ульяна присела рядом с подругой, сверилась с расписанием: полётная техника и тренажёрный практикум.

Предстоящее занятие волновало Ульяну – от ожидания соприкосновения с неведомым перехватывало дыхание. Утреннее происшествие не давало покоя. Вдруг это снова повторится. Нет, даже не так. Хоть бы это повторилось вновь. Это удивительное ощущение полета и свободы.

Курсантам пришлось спускаться на нижний ярус, туда, где размещались громоздкие тренажеры – металлические конструкции с прозрачным куполом-кабиной. Совсем не такие, какие им показывали утром.

– Это не симуляторы, а реальные тренажеры, – с недоумением пробормотала девушка в очках, Инна Белоглазова.

Ульяна вздохнула – для нее это всё пока, что в лоб, что полбу.

– Ты не понимаешь, – нервничала сокурсница, – это продвинутый курс. Мы на компьютерном симуляторе должны были в этом семестре работать, я узнавала...

Полётную технику вёл молодой парень по виду чуть старше самих курсантов, черноволосый и быстроглазый. Их поставили около кронштейна, на котором крепилась жёлтая кабина тренажёра.

– Ираль Танакэ, – коротко представился он. Его оранжево-золотистые глаза рассекали чёрные щели зрачков. – Я буду знакомить вас с теорией полета, стратегией и тактикой управления космическими аппаратами, действующими в Космофлоте. Теории немного, буду давать сжато по мере необходимости. Основная моя задача – заставить вас чувствовать объект управления. Запомните, вы операторы. Вы мозг и операционная система космического корабля. От ваших решений и профессионализма зависит жизнь пассажиров, экипажа и сохранность судна. Это ясно?

Он орлиным взором осмотрел притихших курсантов – семнадцать человек в одинаковой форме с синей эмблемой Академии на груди.

Ираль Танакэ развернул световое табло, на котором тренажёр оказался разрезан надвое, показывая свое внутреннее устройство.

– Сердцем навигационной установки является кресло навигатора – ваше будущее рабочее место, – он указал на подвешенное на ремнях сидение с высоким изголовьем, сильно напоминающее стоматологическое. – Для обеспечения максимальной балансировки оно обычно под-

вешено на гравитационной подушке. Вот эти ремни – ее видимая часть и есть. На некоторых моделях используется пневматика и шарнирное устройство. Для достижения максимального сцепления поверхность кресла покрыта лианиновым полотном, – он развел длинные руки и увеличил ту часть картинки, на которой изображалось покрытие навигаторского кресла.

Ульяна увидела уже знакомый белесый ворс с черными точками-присосками на конце.

Преподаватель пояснил:

– Лианин – искусственное создание. Своего рода – аналог андроида для человека. В основе его разработки – колония полипов. Чувствительная настройка позволяет соединить нервную систему оператора с искусственным интеллектом машины. И чем больше площадь соприкосновения между навигатором и лианином, тем точнее и легче управление судном, безопаснее полет.

– Так на нем, что, голенькими надо сидеть, – гоготнул долговязый парень.

Ираль Танакэ сверкнул глазами:

– Вот с вас, голенького, и начнем. Раздевайтесь, курсант, – он остановился прямо перед незадачливым шутником.

Тот покраснел и постарался спрятаться за спины товарищей. Темноглазый Танакэ прошипел:

– Внимание, первый курс. Либо вы здесь будете заниматься как положено, с усердием, способным меня убедить в вашей искренности и желании чему-то научиться, либо отправляетесь домой. Всех скоморохов отправлю рапортом раньше, чем вы успеете сказать «мама». Всем всё ясно?

Курсанты притихли. Даже Ульяна, на которую темноглазый преподаватель пока избегал смотреть, втянула шею. Наташка дёрнула её за край кителя и округлила глаза.

– Сегодня ваша задача проста. Вам нужно добиться скрепления с лианином. Это может проявляться по-разному: видения, звуки, голоса. Любые формы проявления обратной связи с материалом. Ничего не трогать, никуда не погружаться. Во время тренировочного полёта все чувства вы будете поэтапно фиксировать и закреплять вербально.

– Это как? – тормозил всё тот же долговязый курсант.

Танакэ рявкнул:

– Рассказывать мне будете! Что чувствуете, видите, слышите. Потом это запишите в полетном дневнике. Это ясно?

Курсанты согласно закивали, провинившийся долговязый – с особой усердностью.

– Рогова присутствует? – вот так без приглашения и подготовки он назвал фамилию Ульяны и уставился на неё своими золотистыми глазами. Черная щель сузилась стала тоньше нити.

– Присутствует, – Ульяна вышла на полшага вперед.

Ираль Танакэ вздернул бровь, сжал плотно и без того тонкие губы, из-за чего стал похож на коршуна.

– Я, конечно, понимаю, что вы ещё не освоили Устав, но отвечать по форме уже обязаны.

– Простите. Курсант Рогова на занятиях присутствует.

Преподаватель удовлетворенно кивнул и отошел в сторону от тренажера, освободив девушке проход.

– Приступайте. Вам ясна задача?

– Так точно.

Она поставила ногу на нижнюю ступеньку, закрепленную на кронштейне, легко взобралась наверх.

Тесная кабина. Воняет подкисшей рыбой и кофе. Прозрачный купол, оказывается – с односторонним стеклом. Со стороны ангара её видно как рыбку в аквариуме, зато она ничего кроме потрескавшейся обшивки не наблюдает.

Ну, да ладно.

Голос Танакэ под потолком заставил вздрогнуть от неожиданности:

– Сколько ещё времени вам надо, чтобы оглядеться?

Девушка плюхнулась в кресло. Мягкие и нежные ворсинки прилипли к открытым ладоням, щекотали шею.

– Закрепите ремни на запястьях, – подсказал невидимый преподаватель.

Ульяна послушно вставила кисти рук в белесые петли, закрепленные в подлокотниках.

– Нажмите кнопку на поручне. На этой модели тренажеров механическая фиксация. На более современных моделях – полевая фиксация.

Под большим пальцем девушка нащупала кнопку, вжала её до упора. Серая ткань стянулась, припечатав руки к подлокотникам.

– В реальном полёте вы будете работать в специальном комбинезоне с чувствительными пластинами вдоль позвоночника. Через проводники сигнал от лианиновых ворсинок будет поступать в ваш головной мозг и обратно. Курсант Рогова, что вы видите? Докладывайте.

Перед глазами расстилалась темнота. Ульяна ожидала снова окунуться в звездное море, но ничего не происходило.

– Ничего не вижу, – в голосе отразилось её разочарование.

– Что вы чувствуете, слышите, в каком боку у вас колет – всё рассказывайте...

– Да что ж давить-то так!

Молчание из-под потолка.

– Повторите, курсант Рогова. Что вы чувствуете?

– Я говорю, что испытываю злость и раздражение.

Снова молчание из-под потолка.

– Курсант Рогова, – в голосе преподавателя послышалась ирония. – Нас интересует только профессиональная составляющая. А что вы сегодня съели на завтрак, свои симпатии и антипатии можете оставить при себе. Хотя я рад, что мне удалось не оставить вас равнодушной.

– Я ничего не вижу. Темно кругом всё. Как будто голову в чернильницу окунула.

– Что слышите?

– Вас слышу. Ещё звенит что-то, – она прислушалась. – Нет, это голоса.

– Расскажите подробнее.

Ульяна пожала плечами.

– Код вроде какой-то.

– Назовите цифры, – велел Танакэ.

– Я не говорила, что это цифры. Это смешанный код. Альфа три омега... Гамма сто... Семьсот шестнадцать Дельта. Все. Снова тоже самое повторяется.

Молчание под потолком дольше обычного. Ульяна уже решила спросить разрешение покинуть тренировочный блок. Ираль Танакэ проговорил:

– Курсант, вам удалось меня удивить. Только что вы назвали координаты лаборатории, где был изготовлен именно этот фрагмент лианина.

Глава 8. «Звездный прилив»

1

Вечером после ужина, Ульяна пошла в свою каюту. Многозначительные взгляды Наташи и подкалывания довели до нервной дрожи в коленях.

«Такое впечатление, что я на свидание собираюсь», – одёргивала она себя, отчаянно приглаживая растрепанные волосы. Почти доведя причёску до совершенства, она запустила пальцы в шевелюру, старательно разлохматив её вновь – чтобы не выглядеть так, будто готовилась. Утром-то у неё волосы не были уложены и природные кудряшки лежали на плечах, как им нравилось.

– Что естественно, то не безобразно, – хмуро отметила она и, захватив куртку загорелого лаборанта, выскочила в коридор. Именно потому, что она доказывала самой себе изо всех сил, что предстоящая встреча – ни капли не свидание, она отправилась на неё раньше.

Кафе «Вивьен» оказалось довольно шумным местом с модным интерьером в стиле лофт: кирпичные стены, высокие стеклянные колбы неизвестного назначения, вращающиеся серебряные шары в стиле хай-тек под потолком, минималистичные диванчики вокруг маленьких квадратных столиков.

Приладив куртку на спинку соседнего кресла, Ульяна заняла столик напротив входа и заказала десерт с загадочным названием «Галактический прилив». За те пятнадцать минут, которые ей предстояло ожидать молодого человека, она как раз успеет полакомиться.

Перед ней поставили хрустальную вазочку с дымящейся голубой массой, уложенной замысловатой горкой и обсыпанной прозрачной, как битое стекло, крошкой. Ульяна принялась: вроде ванилью пахнет. Только чего от него так парит – не понятно.

Девушка взяла крохотную круглую ложечку и отправила в рот небольшой кусочек незнакомого лакомства.

Дыхание перехватило, из глаз брызнули слезы. Неимоверно холодное, острое – хуже вассаби и чилийского перца вместе взятых – «лакомство» не желало проглатываться, неаппетитно выплескиваясь из приоткрытого рта.

– Бинго! – орал рыжий официант, фотографируя ее несчастную физиономию. – Новый портрет на доску почёта!

Под общий хохот и гоготание, Ульяна чихнула, молясь только о том, чтобы незнакомец из лаборатории не решил прийти именно в этот момент.

Зря она вообще о нём подумала – она уже давно заметила, что случается именно то, чего меньше всего хочешь. Как это там в индуизме-брахманизме-конфуцианстве? Закон подлости?

Вот он, закон подлости в действии: из-за спины ошалевшего от радости официанта выглянуло недоумевающее лицо недавнего знакомого. Оценив ситуацию, он дал подзатыльник шутнику, взял с соседнего стола пачку салфеток и положил перед Ульяной. Она всё ещё не могла дышать, по-рыбьи округлив глаза, хватала ртом воздух и размахивала руками.

«Чёрт-чёрт-чёрт!» – жалобно пульсировало в висках.

Юноша подошёл к барной стойке – разбираться с организатором шутки. Гости кафе не желали униматься, наслаждаясь дополнительной порцией шоу.

Ульяна подскочила и бросилась к выходу.

– Ульяна! – голос незнакомца. Откуда он знает её имя, кстати?

Это не важно. После такого «свидания» даже гипотетическая возможность познакомиться с парнем поближе казалась дикой.

В каюте Ульяна долго стояла под холодным душем.

В горле всё ещё першило, свербело в носу. Но это всё – ничего по сравнению с пережитым ужасом и позором. В кафе можно не соваться, но там шутку, скорее всего, быстро забудут – появится новый новичок, которого можно разыграть. А вот медсектор обходить стороной – дело более сложное, все равно придется пересекаться. Прохладные струи путались с огненными прядями-змеями, ласкали кожу, приводили мысли в порядок.

«Эх, вот же вляпалась», – вздохнула она и выбралась из душа. Надела мягкий домашний костюм, собрала волосы в тугий пучок, отжав их предварительно махровым полотенцем.

Активировав креоник, посмотрела ещё раз комплектацию каюты – в разделе «отдых» очень надеялась найти чайник и кофе. Тщетно – наверное, питание строго по уставу.

Монитор у двери пискнул, показав приблизившуюся к каюте Наташу:

– Ульян, ты вернулась уже? – приглушенный голос из динамика.

Девушка предпочла не отвечать. Наташа постояла ещё некоторое время у двери, задумчиво направилась в сторону своей каюты. Ульяна облегчённо выдохнула.

Хоть и без кофе, в полном одиночестве, но она знает, чем сейчас заняться и скрасить вечер. В её распоряжении информационная база мира, о котором она ещё вчера ничего не знала. И то, с чем ей сегодня пришлось столкнуться, говорит, что он заслуживает самого внимательного изучения.

– Голо, скажи, как этим пользоваться, – она села перед прозрачным экраном, горизонтальная интерактивная панель загорелась синим, демонстрируя готовность к работе.

– Добрый вечер, курсант 2118-омикрон-сигма-2. Спасибо за обращение, – приятный мужской голос. – Для активации информера вам необходимо вставить пластину креоника в разъем на горизонтальной панели, расположенной перед монитором. После этого появится шкала загрузки и поисковая строка. Для сохранения нужной информации нажмите значок «карандаш», – в центре экрана загорелся образец иконки, – или воспользуйтесь креодисками, расположенными в верхнем правом ящике рабочего стола. Старайтесь систематизировать их удобным для вас способом – хронологически, тематически, иначе.

– Спасибо, как здесь можно набрать документы, таблицы, отчеты?

– Все файлы, которые вам могут понадобиться сформированы в виде шаблонов и размещены в папке «Шаблоны» на рабочем столе. Кроме того, в папке «Учебное» для вас сформирован научно-практический материал по вашему курсу, а также ссылки на соответствующие разделы информатория. Удалось ли мне оказать вам содействие?

Ульяна была очень благодарна. Как выразить это невидимому существу?

– Спасибо огромное, вы меня очень выручили.

– Доброй ночи, – Голо с щелчком отключился.

Девушка забила в поисковую строку «Единая галактика создание история».

Тут же выскочил список. Интересно, он реагировал на взгляд девушки – та статья, на которую она смотрела, чуть выдвигалась вперёд, словно предлагая себя. И если человек продолжал на неё смотреть – раскрывалась.

Итак, что было на поверхности.

В 1816 году по действующему земному летоисчислению объединенные силы планет гуманоидного типа Креонида, Клирик и Цериана выступили против рептилоидов группы С – агрессивно настроенного подвида разумных пресмыкающихся. В результате длительных военных действий враг был повержен, наступили мир, дружба и любовь. В 1980 году к союзу присоединилась Земля с правом совещательного голоса и местом в правительстве Единой галактике. Активные научные связи, развитие сотрудничества, конфетно-букетные отношения.

«Ну, допустим, такой радужный пост ни о чём не говорит», – отметила девушка и уточнила запрос, добавив слово «проблемы».

Список дополнился десятком крупных аналитических статей, из которых Ульяна поняла, что Единая галактика находится в кризисе, ей грозит передел собственности, ресурсов и транспортных потоков. Основная проблема в том, что управленческие функции в последние пятьдесят лет практически перешли к клириканцам – гуманоидизированным рептилоидам, отличающимся высокой работоспособностью, аналитическими и коммуникативными навыками. Что сильно не устраивает креонидян, до этого бывших у руля и сохраняющих формальное руководство в Единой галактике. Дважды за истекшие годы правительство уходило в отставку, не получив большинства в Законодательном собрании. Однако никаких мероприятий по урегулированию назревающего конфликта не проводилось. Каждая раса медленно, но верно тянула общее одеяло на себя.

Мир, по сути, трещал по швам.

Несколько статей упоминали о возрождении Гирны, родины тех самых рептилоидов класса С, и непрозрачно намекали на тайные сепаратные переговоры между ними и клириканцами.

Интересный материал был предоставлен информационным агентством «Палтус». В нем упоминалась некая программа «Фокус», на которую креонидяне возлагали особенные надежды. Благодаря ей обитатели Единой галактики получают новый способ передвижения. Аналитик предполагал, что это снизит напряженность и расширит зону влияний Единой галактики на невовлеченные в союз расы, и, соответственно, даст стимул для сохранения союза в нынешнем виде.

«Интересно, каким образом?» – отметила Ульяна, но автор статьи не пояснял – вероятно, это для него очевидно.

Ульяна потянулась, бросила взгляд на часы: двадцать минут девятого.

Монитор внешней связи мигнул голубым, а в следующее мгновение на нем появилось лицо... того самого незнакомца из лаборатории.

Девушка в панике вскочила: как он её нашел? «Не открывать! Уже поздно, и я наверняка сплю».

Парень с той стороны монитора устало потер переносицу, нажал ещё раз кнопку вызова.

– Ульяна, я знаю, что ты там. Открывай, – голос, не допускающий возражений.

Она нажала кнопку открытия дверей и замерла на пороге каюты: волосы разметались по плечам, настороженный взгляд, гордая осанка.

– Привет, – она прислонилась к двери с самым независимым видом.

– Привет, – кивнул, с интересом разглядывая. Улыбка едва тронула губы. – Чего сбежала? На, ты на столике оставила. – Он протянул ей миниатюрный клатч. – У нас с тобой опасная тенденция – забывать свои вещи, ты не находишь?

Ульяна взяла из его рук сумочку, прижала к груди.

– Спасибо... Зайдешь? – ляпнула и тут же пожалела о сказанном.

Он отрицательно покачал головой:

– Нет. Протокол 17/2 не разрешает находиться посторонним в личных каютах курсантов, тем более лицам противоположного пола, – он указал пальцем на крохотные зелёные лампочки, вмонтированные в косяк. – Это датчики. Стоит кому-то постороннему пересечь их, сразу сработает сигнализация на пульте дежурного, прибудет патрульная служба, негодяя спалят и посадят под арест. А мне нельзя – завтра важный день.

Он сделал шаг назад:

– Ладно, я пойду. Спасибо за куртку.

– Постой, а ты меня как нашёл? Ты же даже моего имени не знаешь.

Он фыркнул:

– Это разве проблема в наше время? Да ещё и для хорошего человека?

– А хороший человек назовет своё имя?

– Артём, – он остановился, посмотрел внимательно на девушку.

Ульяна бросила взгляд на тонушую в полумраке каюту.

– Артём, ты, может быть, спасёшь меня ещё раз? – девушка протянула ему пластинку креоника. – Очень кофе хочется. Верю, что это возможно.

Он усмехнулся. Активировал панель комплектации её каюты.

– Смотри, в разделе «отдых» есть функция «прочее», в нём – много полезных штук, полистай, в том числе и кухня. Не ахти что, но чайник, холодильник с парой замороженных ужинов всегда есть. Если у тебя подробное личное дело, и в нём отражено, что ты – любительница полуночного кофе, то тебе повезёт вдвойне.

Он вернул девушке карточку креоника:

– Ты скоро во всём разберёшься. Уверен, тебе здесь понравится... Увидимся.

Парень развернулся и направился к лифтам. Ульяна шмыгнула в каюту, двери сомкнулись за спиной. Разочарование окатило ее холодной волной.

Глава 9. Цена ошибки

1

Весь день Артём провел у монитора – нужно было решить задачу управления «Фокусом». Сейчас главное – найти навигатора с высокой адаптивной сенсоизацией. Того, кто станет «ключом» к модифицированному искусственному интеллекту корабля.

Артём поручил сотрудникам лаборатории перепроверить все расчеты, сформировать перспективное моделирование по разным сценариям, закладывая в том числе и не систематизированные результаты диагностики. «Фокус», между тем, жил своей жизнью, категорически отказываясь реагировать на людей. Правда, за сегодняшний день, он довольно заметно изменился: поверхность корпуса остыла и почернела, перестала искриться, вибрация практически прекратилась.

Артём вышел из кабинета, пискнула, активируясь, сигнализация, и направился через просторный холл к инкубатору – вакуумной ёмкости внутри станции, в которой рос и выросл его «Фокус». В начале – помещенный в питательную среду, затем – выпущенный в свободное плавание...

Молодой учёный замер около иллюминатора, приложил ладонь к стеклу – он так всегда приветствовал подопечного.

– Привет, ты как там?

Послышались осторожные шаги за спиной: на обзорной площадке появился Кромлех с низеньким креонидянином, похожим на зефир – таким же круглым и бело-розовым.

– Так и знал, что ты здесь, – директор приветливо улыбнулся и склонился к спутнику. – Наш руководитель лаборатории биогенной инженерии – одержимый в своей гениальности молодой человек. Если его не проконтролировать, он и спать станет на рабочем месте, – Кромлех заискивающе хихикнул.

Артём с интересом наблюдал за начальством. Ясно, что толстяк – фигура влиятельная, иначе бы директор лабораторного комплекса так перед ним не расшаркивался.

– Работы просто много, – коротко отозвался он вслух.

– Как диагностика, мой друг? – вкрадчиво поинтересовался Кромлех.

Пауков покосился на замершего от любопытства гостя и уклончиво отозвался:

– Всё в процессе.

Кромлех подхватил его под локоть, подчеркнуто располагающе привлек его к себе:

– Я бы хотел, чтобы ты понимал всю важность завтрашней презентации. Сегодня уже начали съезжаться члены Комиссии. Я вот и господина Лун Еву привел, чтобы ты мог убедить его в наличии перспектив, – он опустил водянистые глаза и вкрадчиво добавил. – А то, знаешь ли, не все одобрительно отнеслись к этим неконтролируемым модификациям...

«Лун Ева! – Артём посмотрел на креонидянина в упор, – Ничего себе! Сам руководитель службы безопасности Единой галактики!».

Кромлех продолжил:

– Я создал для тебя все условия, всегда поддерживал твои самые смелые начинания, помнишь ли ты об этом? – Артём настороженно кивнул. Директор между тем продолжал: – Сейчас самое время отплатить мне добром, мой мальчик. – Он по-отечески положил руки на плечи юноше. – Убеди Комиссию в провале «Фокуса».

– Что-о? – Артём почувствовал, как похолодели и покрылись испариной ладони. Тяжёлые ручищи директора вцепились в плечи.

– После ошибки твоего товарища корабль стал неуправляем, он опасен. Мы не знаем, что творится в его голове... Если только, – он сомкнул брови, сделав вид, что задумался. И следом изобразил просветленную улыбку, – если только тебе не удастся найти ему оператора. Надежного. Опытного.

Артём всё понял: если он не согласится на Паля Сабо как на оператора «Фокуса», то проект закроют по причине фатальной ошибки или, ещё вероятнее, халатности его руководителя, допустившего балаган среди подчиненных и прикрывавших до последнего своего друга. Он посмотрел на Кромлеха. Самообладание и военная подготовка помогли сохранить внешнее спокойствие. Скулы свело – так крепко пришлось сжать зубы, чтобы не сорваться.

– Я думаю, что можно с этим сделать, – выдавил он, наконец.

Кромлех просиял, оглянулся на спутника:

– Вот видишь. Я в тебе и не сомневался!

Круто развернувшись на каблуках, он скрылся в холле. А с ним и руководитель службы безопасности.

Артём остался один.

– Чёрт! – он с силой стукнул кулаком по поручню. Металл виновато вздохнул, вибрируя.

Кромлех Циотан хмурился и нервничал. Лун Ева снисходительно улыбался, развалившись в кресле напротив:

– Не нервничай, мой друг, сопляк не рискнет идти поперёк. Он – не дурак. Не дурак же, верно? Гений там он или как, – он кивнул сам себе, – а гении весьма щепетильно относятся к результатам своего труда. Амбиции, мой друг, жажда славы... Всё так старо.

Он потянулся к прозрачной, как стекло, карамели, с наслаждением отправил в рот – Кромлеху стали видны его острые как бритва зубы.

Директор мрачно уставился в кофейную чашку: на дне мутно переливалась гуща.

– Хотел бы я, чтобы ты оказался прав.

2

После разговора с рыжеволосой первокурсницей, Артём снова вернулся в кабинет, с тоской посмотрел на распечатки кандидатур сенсоидов. Порядка пяти фамилий. Каждая из которых в свете произошедшего только что разговора всяко лучше Паля Сабо. Но Паль Сабо, скорее всего, – неизбежность, которая настигнет «Фокус» хоть с ним, Артёмом Пауковым, хоть без него. Вопрос, решенный «наверху». И инициатива явно принадлежит не только Кромлеху. Кто-то за ним стоит. Лун Ева – только верхушка айсберга.

На мониторе появилась папка с данными диагностики. «Фокус» полностью завершил формирование своего генома. Все системы и органы работали в штатном режиме. Обратная связь по-прежнему отсутствовала.

Открыв личное дело креонидянина, он ещё раз проверил его квалификацию и параметры.

– А-а, чёрт бы вас всех побрал, – Артём решительно направил папку и перебрал на экран выделенного под проект «Фокус» сервера.

Система ответила глухим молчанием. Иконка переброшенного материала повисла на рабочем столе, мигая. Белым зажглось табло с информацией: «Корневая память сенсоизации заполнена».

– Не понял, – Артём открыл диагностическую карту. «Эхо-магнитные колебания в норме, активность нейронов головного мозга в норме, адаптивность подтверждена, аппарат готов к эксплуатации». Он пробежал глазами запись ещё раз.

В груди похолодело, расплываясь по телу. Он потянулся к креонику, нажал кнопку экстренного вызова.

– Василий, срочно ко мне. Блокируй сервер. Нас взломали.

Василий Крыж никогда ещё так быстро не бегал.

Отрубив сервер Фокуса от сети, он бросился в кабинет Паукова. Там, бесцеремонно отодвинув друга в сторону, запустил «хвост» – программу для отслеживания несанкционированной активности.

– Слушай. Нет взлома-то, – рассеянно заключил Крыж уже через несколько минут.

Артём нервно передёрнул плечом:

– Ты давай-давай, проверь, ищи, как положено, – он повис над ним, облокотившись на спинку кресла. – Как-то же файл попал на сервер. Не духом же святым занесло...

Василий запрокинул голову. Острый кадык торчал как нос ледокола.

– Я ж тебе не просто так говорю. Я ж вижу уже, – он вызвал на монитор таблицу итогов работы «хвоста». – У меня защита многоуровневая стоит на сервере. И на каждом уровне есть маркеры, а есть ловцы. Так вот задача маркеров – пометить сигнал. Ловцы его уже классифицируют как чужеродный и враждебный. И блокируют.

– И что?

– А то, что все маркеры на месте, ни один не потревожен, – Вася Крыж присмотрелся к другу. – И ловцы чужого не признали. Файл загрузки биометрии сенсоида с твоего родимого компа зашёл. Как по маслу.

– Да быть такого не может! Как ещё файлы могли попасть в папку загрузки «Фокуса»?

Василий развернулся и посмотрел на друга снизу вверх:

– Никак, Паук. Так ты вспомни, кто здесь был, кто заходил. Или мог зайти. Кто мог с твоего компа что-то сбросить...М?

Артём скрестил руки на груди, нахмурился.

– Я кабинет всегда запираю. Даже если на минуту выхожу кофе попить. Взлом может быть?

Василий склонил голову:

– Ну, я бы об этом точно знал. Сигнализация на автоматике: ты дверь закрыл, она работает, ты открыл – она наблюдает. У тебя здесь каждый сантиметр сканерами и биодатчиками напичкан. Сигнализация на твою ДНК настроена. Так что... Без тебя здесь никого не было.

Артём нахмурился ещё сильнее.

– Как долго выяснять, чьи параметры загружены в «Фокус»?

Василий почесал в затылке, улыбнулся:

– Да чуток надо, конечно.

– Выясняй, – скомандовал Артём и вышел из кабинета.

– Дверь не закрывай! А то всю охрану поднимем! – в последний момент заорал Крыж.

Пауков взял с тумбы подставку для настольных часов и подложил под белоснежный угол.

3

– Что происходит?! – орал Кромлех. – Под трибунал пойдешь, так и знай. И твоими прежними заслугами можешь не прикрываться!

Рыбы глаза округлились, рот искривился в крике, на розовато-белой коже проступила капиллярная сетка. Бисеринки пота выступили на лице креонидянина. Он метался по своему огромному кабинету с панорамным видом на площадь Кроны и желто-оранжевую Глаугель.

Минуту назад Артём ему сообщил, что загрузка параметров сенсоизации завершена. И оператор – неизвестная на данный момент личность.

– Сколько раз я вам говорил воспользоваться нашими серверами, сколько предупреждал об опасности диверсии и взлома... Мальчишка! Сопляк! Ты поставил под удар не свою карьеру – можешь считать, что она уже окончена – не мою, а будущее миллиардов жителей!

От высокопарной речи директора у Артёма свело скулы. Сомнение затаилось где-то внутри: как бы это не было организовано самим директором. Уж больно показательно взбешён.

– Мы выясняем личность сенсоида. На это потребуется ещё некоторое время, но это не будет проблемой.

Кромлех замер в метре от молодого человека, в глазах загорелся недобрый огонь. Схватив юношу за китель, он приблизил к себе его лицо:

– А ведь ты специально это всё подстроил? – прошипел в лицо Артёму. – В начале эта дурацкая история с константой Страхова-Ригсби, теперь это. И когда? Накануне начала работы приемочной комиссии.

Артём точно размеренным движением высвободил китель из медвежьих лап директора Академии.

– Так значит, комиссия – не просто комиссия, она ещё и приёмочная, – он сощурился. – Интересно, когда вы собирались мне об этом сообщить? Почему раньше срока окончания проекта? Почему не дожидаясь финального тестирования и результатов работы «в поле»?

Кромлех примирительно улыбнулся. Получилось криво и неубедительно.

– Ну-ну, мой друг. Не надо так много вопросов, – уклончиво отозвался директор, усаживаясь за свой рабочий стол, похожий на взлётно-посадочную полосу для Боинга. – Это всё не от меня зависит. Я, видишь ли, тоже человек подневольный.

«Ну-ну», – скептически ухмыльнулся про себя Артём, но вида не подал.

Кромлех Циотан тяжело вздохнул. Пальцы переплелись замком, отразились в зеркальной поверхности стола.

– Взлома точно не было?

– Точно.

– Выходит, опять какая-то ошибка? – он посмотрел на Артёма своими прозрачно-рыбьими глазами. – Это всё выглядит очень непрофессионально, мой друг. Непрофессионально и подозрительно. И до начала работы комиссии, тебе необходимо подготовиться.

– Я этим сейчас и занимаюсь, – креоник на запястье, мелодично пискнув, выбросив из своих недр срочное сообщение от Василия: «Я нашёл нашего „зайца“. Узнаёшь?». И следом на экране появилось фото рыжеволосой девушки с ярко-бирюзовыми глазами и загадочной полуулыбкой.

Ульяна Рогова.

Сердце пропустило удар: он вспомнил, как сегодня утром торопливо смахнул с рабочего монитора папку с её личными данными.

4

Кромлех смотрел в спину землянину с тенью неприязни на белом как зефир лице.

– Мальчишка.

Из-за перегородки-укрытия за его спиной появился руководитель службы безопасности Единой галактики, Лун Ева.

– Не верю я в случайности и совпадения, – бросил ему директор, не оборачиваясь. – Нужно выяснить, что это за женщина. Как он с ней связан.

Он вызвал заместителя по безопасности Академии Космофлота, подтянутого в отличие от своего коллеги, церианца Авле Адина. Дал ему распоряжение.

– Я должен знать о ней всё. Будто я – её мамочка. Сколько кофе выпивает, в какой позе спит, с кем и как часто. Вы поняли? И главное – каким образом они связаны с руководителем лаборатории биогенной инженерии землянином Пауковым.

– Так точно. Разрешите приступить к исполнению?

– Приступайте.

– Директор, вы просили также сообщить о прибытии посла Намбула, – отрапортовал исполнительный церианец.

Развалившийся на мягком диванчике Лун Ева, проводив коллегу высокомерным взглядом, встал:

– Мне, пожалуй, тоже стоит присоединиться. Боюсь, как бы ваш Пауков не начал вести свою собственную игру.

Глава 10. Важный день

1

15 июля 2018 года

Ульяна проснулась рано: найденная кухня с замечательным по вкусу кофе и удобной кофемашиной скрасили вечер, подняли настроение. А неудавшееся знакомство с Артёмом отошло на второй план – она никогда не позволяла себе заикливаться на проблеме.

Наскоро собравшись, собрала волосы в тугий хвост. Спустившись на первый уровень, сбегала через площадь Кроны отправить письмо родителям: всё хорошо, устраиваюсь, начались занятия, ждите домой в короткосрочный отпуск.

Коротко, но оптимистично.

Поднимаясь в лифте мимо сектора геномной инженерии, невольно бросила взгляд на вход в лабораторный комплекс. Пусто. Приглушенный свет. Белоснежные глянцевые панели.

Отвернулась. Ей там высматривать некого.

Хотя под сердцем что-то волнительно беспокоилось.

Девушка вздохнула.

В столовой было ещё малоллюдно: лениво потягивали утренний кофе вчерашние французы, несколько ребят просматривали данные на креониках – то ли сообщения набирали, то ли расписанием интересовались.

Ульяна прошла к стойке раздачи.

Светло-голубые ёмкости сверкали гладкими боками, источая подчас странные ароматы. Что уяснила для себя девушка – кухня здесь, как на олимпиаде, ориентирована на вкусовые пристрастия всех курсантов. Здесь были не только блюда, привычные для землян, но и загадочные лакомства креонидян и клириканцев. Ну, как – лакомства... Ульяна с трудом могла бы назвать вкусняшкой подтухшую сырую рыбу, будь она сто раз красиво уложена на блюде и прикрыта зелёными водорослями. А от шевелящегося под соусом супа в клириканском отделе вообще постаралась отойти подальше – не то от аппетита не останется и следа.

Но жажда эксперимента взяла верх над осторожностью. Памятуя вчерашний розыгрыш в кафе «Вивьен», она методично выспрашивала у девушки на раздаче съедобно ли то или иное блюдо.

Та терпеливо улыбалась, потом не выдержала и поставила перед Ульяной тарелку с ярким жёлто-оранжевым цветком в белой пудре.

– Попробуйте это.

– А что это? – девушка с сомнением принялась – приятный аромат.

Повар задумалась, посмотрела вверх:

– Ну-у, можно сказать – цветок, засахаренный. Кисленький такой на вкус.

Ульяна рискнула – лакомство выглядело вполне безопасно.

Уютно расположившись за угловым столиком, стала завтракать, одновременно поглядывая на входящих курсантов – когда появится, наконец, Наташа.

Та появилась через пару минут, махнула ей рукой.

– Как вечер прошёл?

– Нормально, – уклончиво отозвалась Ульяна, посмотрела на подругу и честно добавила: – Никак.

Подруга задержала взгляд на её лице, но от вопросов воздержалась. За её спиной появился балагур Кирилл:

– Здорово, девчата, как жизнь? – его взгляд упал на оставленный Ульяной на десерт засахаренный цветок, девушка как раз отломала от него кусочек и, с опаской оглядев, отправила в рот. Кисленько, как и обещала девушка-повар. Но вполне съедобно. Кирилл просиял: – О, ты решила попробовать циону? Вкусная, кстати, штука, и даром, что на попе клириканской горгуны растёт...

Ульяна замерла.

– На попе кого? – Наташа перевела взгляд на лакомство.

Авдеев повторил разборчивее:

– Клириканской горгуны, ну, птички такой... типа, – он посмотрел на окаменевшие лица девушек, виновато моргнув: – Эй, вы чего? Нормальная птичка. Гнёзда в скалах вьёт, от хищников вот этой штуковиной отбивается... Она ж из-за чего кислая-то? Из-за яда.

– Из-за яда? На попе? – Ульяна отодвинула от себя тарелку и поморщилась. – Блин, что ж так не везёт-то.

– Да, ну, брось, – примирительно оскалился парень. – У неё и мозги в попе, если вам это так важно...

И захохотал.

Ульяна насупилась – кулинарные эксперименты в последнее время оказывались один провальнее другого. На креонике загорелась красным надпись: срочно явиться в кабинет 1А на диагностику.

– 1А это где? – она посмотрела на Кирилла.

– Ну, сектора с первого по третий – это наши медики-генетики. Единица – лаборатории.

Сердце в груди ухнулось в пятки, оставляя дорожку холода.

Попрощавшись с друзьями, девушка поторопилась к лифтам.

Выбегая из столовой, она практически одновременно почувствовала чужое прикосновение чуть выше локтя и толчок в спину. Резкий разворот, движение в сторону узкого ответвления к спальням юношей, от которого стены поплыли перед глазами, перекошенное лицо в красновато-малиновой капиллярной сетке совсем рядом и запах подтухшей рыбы изо рта.

– Ты что задумала, гадина? – шипел вчерашний Паль Сабо, надавив предплечьем на горло девушки. Ульяна беспомощно вцепилась в руку, пытаясь ослабить хватку. По спине полз, парализуя, липкий, вьедливый страх. – Так и знай, ничего у тебя не получится. Сдохнешь скорее, – резко отпустил и, не дав встать на ноги, с силой тряхнул за плечи: – поняла?

Оттолкнул, так, что девушка ударилась затылком о панели и рухнула на колени. Воздух со свистом выходил из приоткрытого рта, перед глазами рассыпались сине-чёрные искры.

Альбинос презрительно сплюнул на пол, пнул Ульяну носком тяжелого ботинка под ребра и вальяжно скрылся в коридоре.

Ульяна заходила кашлем, несколько раз пробовала встать. Вспотевшие ладони скользили по гладким стенам. Тошнота подкатывалась волна за волной. Девушка сглатывала её, пытаясь выровнять дыхание.

«Что происходит? О чём он вообще?» – стучало в висках. Взгляд упёрся в камеры видеонаблюдения.

Кое-как поднявшись по стене, она постояла ещё несколько минут, чувствуя спиной прохладу сине-голубого пластика. Креоник на запястье пискнул, выбросив на экран повторное требование явиться в кабинет 1А.

Придерживаясь рукой за стену, Ульяна медленно направилась к лифтам. Что надо было этому человеку, она так и не поняла, но зато точно знала, для кого готовят мерзко пахнущие морепродукты третьей свежести на кухне факультета сенсорной навигации.

2

У лифта лабораторного сектора её встретила приветливая девушка. Она представилась Светланой. Бросив на растерянное лицо Ульяны любопытный взгляд, сразу уточнила:

– Ты здорова?

Девушка кивнула, стараясь не расплакаться. Горло болело, склизкий комок страха и отвращения поселился в желудке и просился наружу. Знобило. Чтобы спрятать дрожь в руках, пришлось спрятать их за спину.

– Зачем меня сюда вызвали? – пришлось приложить усилия, чтобы голос не дрожал. – Что за диагностика?

– Сейчас я проведу тебя в кабинет 1А, тебе там всё объяснят, – и, виновато улыбнувшись, добавила. – Я всего лишь лаборант, мало что знаю.

Ловко набрав код доступа в лабораторию, Светлана провела её внутрь.

Здесь пахло иначе. Очищенный и отфильтрованный воздух станции, не имеющий ни вкуса, ни запаха, отражаясь от стерильной белизны стен, здесь приобретал и вовсе неестественную чистоту и прозрачность.

Ульяну провели в комнату с серебристой табличкой 1А. Большое круглое помещение с непрозрачными стеклянными панелями по периметру. Девушка искоса посмотрела на свое отражение, поправила выбившиеся из прически пряди.

– Садись, – Светлана указала на стул перед небольшим аппаратом, похожим на те, какими офтальмологи на Земле проверяют глазное дно. – Я сейчас быстренько возьму у тебя кое-какие анализы. Это не больно, не волнуйся.

Девушка достала из тумбы и переставила ближе белый чемоданчик.

– Да я и не волнуюсь, – пробормотала Ульяна, протягивая руку ладонью вверх. – Кровь из пальца?

Светлана заливисто расхохоталась:

– Нет, кровь можешь оставить себе, – она шутливо вытаращила глаза, и прошипела: – я возьму только твою душу.

– Вот и славно, – невесело отозвалась на шутку Ульяна.

Подключив к бромоху Ульяны еще несколько пластин-креоников, лаборант нанесла ей на ладонь ароматный гель и, чуть подождав, собрала его на охлажденную ткань. Поместив все это в контейнер, отсоединила пластины от браслета.

– У меня всё, – улыбнулась, закрывая чемоданчик. И через минуту скрылась за стерильно-белыми створками двери, оставив Ульяну в тишине и одиночестве.

Щёлкнул замок.

Девушка сидела на неудобном стуле. Рука тянулась к горлу, то и дело поправляя ставший тесным ворот синего форменного кителя.

На креоник выскочило сообщение от Наташи: «Ты куда делась? Нас всех отправили на тренировку в спортзал. Мы с Киrom ждем тебя.»

Ульяна изогнула бровь: «Мы с Киrom?»

3

Он наблюдал за ней через одностороннее стекло. Видел, как она расстроена, даже напугана. В немилосердном освещении лаборатории её кожа стала совсем белой, как у креонидян-альбиносов.

Ему передали результаты экспресс-диагностики: сомнений не оставалось – в базу данных «Фокуса» оказалась внесена именно эта рыжеволосая девушка. Которая сейчас сидит в одино-

честве посреди старой лианиновой лаборатории и, иногда покашливая, мурлычет себе под нос заунывную песенку. Артем прислушался:

*«The river's flowing
The water's deep
The water's dark
Where angels weep.»*¹

Удивленно переглянулся с подошедшим Василием, тот покачал головой:

– Да ну? Любительница готик-металла? Не верю своим ушам, но уже люблю эту девушку.

Артем усмехнулся и упёрся кулаками в гладкую поверхность стола:

– Давай проверим её на адаптивность.

– Что, ставим альфа-маркеры?

Артем задумчиво посмотрел на него и кивнул.

Василий исчез за перегородкой и поманил Ульяну пальцем:

– Пойдём, певица, твой театр ещё не погорел.

Девушка покраснела, но не стала ничего отвечать – из-за сухости воздуха в лаборатории у неё нестерпимо першило в горле.

– Меня Василием, кстати, зовут. Друзья зовут Василевсом. За ум и сообразительность. И за скромность ещё, – балагурил парень, усаживая Ульяну в медицинское кресло, обтянутое мягкой ворсистой тканью, и закрепляя полупрозрачные браслеты на запястьях и щиколотках. – Ты же уже знаешь, что это за оборудование?

Девушка кивнула и нахмурилась. Облизнула пересохшие губы. Василий посмотрел куда-то вдаль, сквозь зеркальную поверхность на панелях, присел перед ней на корточки. Оказавшись с ней почти на одном уровне, заглянул в растерянные глаза:

– Ну, я всё равно уточню некоторые моменты. Просто чтобы упростить нам всем задачу. Смотри, Ульян, вот эта штука, – он погладил выпуклый бок аппарата, – навигаторское кресло. Ты на тренажёре уже летала ведь?

Девушка кивнула.

– Ну, во-от. Но то была игрушка просто, симулятор с программой и моделированием. А на настоящей машинке хочешь прокатиться?

Ульяна затаила дыхание:

– А если скажу, что не хочу?

По лицу парня пробежала тень удивления, сметая напускную беззаботность. Взгляд приобрел жесткость:

– Но ведь ты так не скажешь? Потому что иначе для нас всех это станет большой проблемой.

Ульяна кивнула:

– Не скажу, не волнуйся. Я просто боюсь что-нибудь сломать.

– О, об этом можешь не волноваться, – усмехнулся он, поднимаясь в полный рост. – Все, что можно сломать, я уже сломал. Смотри, сейчас я переключу вот этот тумблер и ты почувствуешь сла-а-абенький укол. Как комарик цапнет. Только по всему телу, – он выразительно развёл руки. – Такая большая многоногая мурашка пробежится.

– Поняла. И что дальше будет? – Ульяна старалась унять дрожь в голосе. От этого начала икать.

¹ В потоках чёрных
Под сердцем тьмы,
Где ангел ждёт
В лучах мечты
(гр. Tiamat / Mesantropolis), перевод Кретовой Е.

Пальцы нервно вцепились в подлокотник, чувствуя, как ворсинки шевелятся, присасываясь к коже.

Василий искоса взглянул на неё:

– Там посмотрим. Ну, что, готова? На счет три: раз... три, – обманул он и дёрнул рукоятку тумблера.

Ульяну словно током прошибло. Онемение в руках сменилось ноющей болью, хотелось вырвать руку и прекратить пытку.

Она стиснула зубы.

Голос Василия подсказал:

– Ты не зажимайся. Постарайся расслабиться.

Ничего не происходило. Она не видела звёзд. Не видела звёздный ветер.

– Я ничего не чувствую, – на всякий случай призналась она. – И не вижу.

Василий добродушно захохотал где-то справа:

– Так ещё и не надо. погоди, капсула сейчас активизируется. Это же ваш первый контакт.

Ульяна хотела уточнить: «Первый контакт с кем?», – но не успела. Голос Василия стал мутнеть, тонуть в неясных шорохах и посвистывании.

Какофония заглушала всё остальное. Ульяна перестала слышать биение сердца, перестала его ощущать. Она стала больше, неповоротливее. Кожу приятно холодил ветер, напевая затейливую мелодию. Девушка прислушалась к четкому, как пульс, ритму, равномерно перекачивающему с одной тональности на другую.

Раз-два-три. Хлопок. Раз-два-три. Хлопок.

Опора под спиной исчезла. Растаяли и крепления на запястьях.

Она словно погружалась в глубокое черное озеро, понимая, что в нём нет дна и оно может длиться вечно.

Раз-два-три. Хлопок. Раз-два-три. Хлопок.

Она стала раскачиваться в такт. Музыка слышалась отчетливее, пульсация – ярче. Девушка чувствовала, как она проникала сквозь кожу, будоражила кровь. В темноте вокруг появились краски, уводя её от слепоты.

Артём повернулся к окну, посмотрел на происходящее в инкубаторе, дотронулся до стекла:

– Что творит... Он... танцует?

Сотрудники лаборатории, как один, прильнули к прозрачной поверхности.

«Фокус» ожил. Он медленно вращался, то переворачиваясь брюхом к куполу, то выгибая осевой хребет.

Учёный бросил взгляд на закрытую в лианиновой капсуле девушку: её щеки покраснелись, губы шептали что-то неразборчивое, кажется, отсчитывая ритм.

Раз-два-три-четыре.

Тонкие пальцы подрагивали, словно играли на невидимой флейте.

– Ты это видишь? – Василий ошеломленно замер у пульта. – Это же танго.

Артём посмотрел на данные энцефалограммы:

– Абсолютная зеркальная симметрия, средняя частота колебаний, их максимальная амплитуда, фазы – всё совпадает.

– Феноменально, – Василий почесал затылок.

– Проверь, запись идёт? Нам иначе никто не поверит, хоть на Библии клянись.

– Конечно. Слушай, так это что значит? Что...

– Что у нашей новой знакомой полное сращивание нейроактивности с «Фокусом», – завершил фразу Пауков.

– Знаешь, я ведь тебе больше скажу, – Василий стал непривычно серьёзным. – Вчера утром, когда ты просматривал файлы личного дела Ульяны, там ведь было и другое личное дело, верно?

Артём нахмурился, вспоминая белесые рыбы глаза, кивнул неохотно:

– Было. Какое это теперь имеет значение?

Василий наклонился к его уху, проговорил так тихо, чтобы никто, кроме друга не услышал сказанное:

– Так вот что я тебе скажу. Каким-то образом ты одновременно загрузил два личных дела, но «Фокус» выбрал из двух кандидатур именно эту рыжую девочку, – он выразительно посмотрел на Артёма и повторил. – Именно сам. И именно выбрал.

Артём чувствовал, как вспотели ладони, пальцы вцепились в китель друга:

– Почему ты раньше не сказал?

Василий сверкнул глазами, невесело хмыкнул:

– Что бы это изменило, мне интересно знать?

Пауков бесцельно взял планшет со стола, невидящим взглядом перелистнул диаграмму, небрежно бросил планшет поверх креопластин.

– Директор будет в бешенстве.

– Думаешь, ему стоит знать подробности? – Василий устроился в кресле перед пультом управления инкубатором.

– Думаю, что Ульяну теперь надо поместить под охрану.

Василий не видел в этом необходимости. Но не спорить же при сотрудниках лаборатории?

Космический фрегат ускорился, закружил в аквариуме в странном, могучем танце.

Ульяна испытывала такую мощь. Едва могла её сдерживать. Подлетев к прозрачному куполу, соколом бросилась вниз, входя штопором в мягкое, податливое, словно масло, пространство.

– Эй, полегче там, – голос Василия.

Она оглянулась на звук и присмотрелась. Зрение, наконец, полностью к ней вернулось.

Она внутри огромного прозрачного пузыря. Стены пропускали блики далёких звёзд, под круглым куполом мерцала оранжевым Глаугель. Тонкие линии силового поля, словно невесомая фата невесты, парили вокруг. Но она смотрела вперёд.

Туда, где за прозрачной перегородкой собрались люди. Крошечные двуногие существа в белых, как лунный свет, одеждах. Она заметила среди них балагура Василия.

Но был там и тот, которого она увидеть никак не ожидала.

Артём. Сотрудник лаборатории биогенной инженерии, лаборант. Или не лаборант? Что, собственно, она о нём знает?

Она попробовала стряхнуть наваждение, взмахнула рукой. И только теперь поняла, что рук у неё нет. Есть огромное неповоротливое тело, вибрирующее в силовом поле.

Она в теле огромного кита. Она и есть огромный неповоротливый кит.

4

– Что известно об этой девчонке? – Кромлех уставился рыбьими глазами в подбородок начальника службы безопасности станции. Мясистые перепончатые пальцы отбивали неровную дробь по глянцевой поверхности стола.

– Транзакцию совершили одновременно. Переброска из северного полушария, Земля. Станция отправления Чысхаан. После прибытия на Тамту встречались трижды. Зафиксирован контакт в лаборатории генной инженерии, в кабинете господина Паукова. Также в кафе «Вивьен» тем же вечером. Тогда же Пауков поднимался к Роговой в каюту.

– О чём говорили, что делали?

Начальник неопределенно передёрнул плечом:

– Совершена передача предмета гардероба, принадлежащего Паукову. Затем, передача повторилась, но уже с сумочкой Роговой.

Кромлех нахмурился:

– Что-то передавали?

– Возможно. Устанавливаем.

Директор медленно выдохнул:

– Осторожнее там, чтоб скандала не было. Особенно с Пауковым. Смотрите всё аккуратно, проверьте видеокамеры в каютах, сделайте более тонкую настройку прослушки. За Роговой – круглосуточное наблюдение.

«Неужели сосунок перехитрил меня? На кого он работает? Что, если сведения уже переданы? Какие сведения? О „Фокусе“? Или ему что-то ещё стало известно?»

Он нажал кнопку вызова диспетчерской службы:

– Режим контроля за корреспонденцией курсанта факультета сенсорной навигации Роговой и руководителя лаборатории биогенной инженерии Паукова, – тихо скомандовал он и добавил. – Обо всех транзакциях сообщать мне лично. Немедленно.

Он отключился, перевёл тяжёлый взгляд на Авле Адина:

– Мне нужны стенограммы всех переговоров этой парочки. Ни один байт информации не должен выйти за пределы станции. Головой отвечаете.

Авле Адин удалился, оставив шефа в мрачнейшем расположении духа.

Сработал креоник директора. На экране появилось окошко видеозвонка.

Нахмурившись, он принял сигнал. В квадратике показалось вытянутое лицо в зеленоватых чешуйках-бугорках:

– Дорогой мой друг! – сладкоголосо пропело оно. – Не могу не заметить радости твоей от моего присутствия. И охрану мне приготовил. И каюты отдельные. Только вот зачем они запираются снаружи?

– Всё только для твоей безопасности, дорогой друг Намбул, – в тон ему пропел Кромлех.

Посол планеты Сом, дружественной Единой галактике, но дипломатично уклоняющейся от присоединения, округлил глаза, обидчиво сложил в трубочку тонкие губы:

– Это грустно, мой друг. Я чувствую себя пленником на Тамту. Между тем, намерения мои чисты и прозрачны.

– Что ж, я могу снять охрану. И тогда твоя жизнь не будет стоить и ломаного гроша! – рявкнул Кромлех, но тут же спохватился, успокаиваясь.

Намбул посмотрел холодно. Маски сброшены.

– Не надо со мной играть в такие игры, Циотан, настоятельно рекомендую. Передай это наверх.

Взгляд Кромлеха оледенел:

– Где энергон? Надеюсь, ты не притащил его на станцию?!

– Я? Нет, конечно. Я же не дурак – давать тебе такой повод укокошить меня.

– Тогда не дёргайся. Я организую твою встречу с Граццем. И ты исчезнешь из моей жизни раз и навсегда. Ясно?

– Всенепременно, мой друг.

Глава 11. Выбор без права выбора

1

Покинув лабораторный сектор, Ульяна старалась ни на кого не смотреть. Светлана, освобождавшая её из лианинового кокона, не успела даже сделать забор биоматериала для диагностики.

– Стой! – коротко крикнула она, но рыжеволосой девушки уже и след простыл.

Ульяна рванула наверх в почти родной бирюзовый сектор, украшенный серебристой цифрой семь. От напряжения подташнивало. От удивления и разочарования кружилась голова.

Проскочив незамеченной мимо болтавшей с Кириллом в холле Наташи, девушка ворвалась в собственную каюту.

Мягкий полумрак, ясный дизайн. Никаких полутонов. Никакой неопределённости. Вот бы так и в жизни.

Ульяна присела на край кровати, устало опустила плечи. Взгляд не цеплялся ни за одну деталь интерьера, поэтому, поблуждав по голым стенам, замер на ножке кресла. Сейчас обеденный перерыв, а потом – введение в курс физики космического пространства. Она собиралась заглянуть в базовые файлы и пролистать учебники, чтобы не чувствовать себя безмозглым чурбаном.

Но мысли вновь и вновь возвращались к аквариуму. Вновь и вновь упирались в серебристые глаза. Цеплялись за широкие знакомые и незнакомые плечи.

«Кто он?» – недоумение тонуло в догадках и предположениях, одно невероятнее другого.

Креоник на запястье пискнул, выбросив на экран короткое сообщение: «Ты как?». Метка отправителя – Артём П.

Под ним – пустая строка с мигающим в ожидании курсором.

«Нормально», – сама лаконичность.

«Ты сегодня всех удивила».

Ульяна хмыкнула, легла на кровать и перевернулась на живот – так набирать сообщения удобнее.

«Мне было интересно стать толстым китом».

«Вообще с точки зрения биологии, это не кит, а дельфин. Хотя для тебя это, может быть, и одно и то же. Но разница все-таки существенная. У твоего нового знакомого доминирующее ДНК отобрано у толианского афалина».

«Кто ты?» – набрала девушка и, отправив сообщение, затаила дыхание.

Мигающий курсор надолго повис в ожидании.

«Ничего интересного сообщить не могу. Человек. Мужчина. Учёный».

«Мне кажется, ты что-то скрываешь», – набрала Ульяна и закусила губу в ожидании ответа.

«Кажется – это верное слово».

Через короткую паузу новое предложение:

«Когда зашла в каюту – всё в порядке было? Ничего странным не показалось?»

Лицо девушки вытянулось, она пожала плечами, словно собеседник мог видеть характерное движение.

«Нет».

И посмотрела вокруг. Шкаф распахнут в точности так, как она оставила его утром. На столе – кружка с холодным кофе. Ульяна напряглась. Села на кровати, на мгновение забыв о чате с Артёмом.

Она пила кофе вчера вечером в кресле, около обзорного экрана-обманки, перелистывая заставки, которые можно установить для имитации пребывания на Земле. Остановилась на ярком весеннем пейзаже, вполне себе земном.

Отправляясь спать, кружку поставила на пол. Утром забыла её убрать. Сейчас кружка стояла на рабочем столе. Как она могла сама туда перебраться?

Ульяна посмотрела на кресло: у ножки растеклась некрасивая коричневая лужица.

Здесь кто-то был. Кто-то, кто не ожидал напороться на кружку с недопитым кофе на полу и перевернул её, разлив на светлый ковер.

От осознания чужого присутствия похолодело в груди, липко съёжилось. Кто-то трогал её личные вещи, переставил кружку, заглядывал в шкафчик с бельём.

Креоник пискнул и выбросил новый вопрос:

«Ульян, в каюте кто-то был, верно?»

«Откуда знаешь?»

«У всей группы, которая занимается проектом, были негласные обыски. Мы выясняем, в чём дело. Сиди в каюте, никуда не выходи, ничего не трогай. Я пришлю за тобой».

Змейка страха подступила к горлу, проникла под узкий ворот форменного кителя.

Ульяна подобрала ноги, обхватив руками острые коленки, сжалась.

Креоник молчал. Сколько времени прошло, Ульяна не знала, сердце билось неровно, борясь с приступами удушья и паники.

Утробный гул отразился от стен каюты, воздух содрогнулся, окрасив пространство красным аварийным освещением. Под потолком металлический голос сообщил:

– Активирован протокол двенадцать. Внимание. Прошу пройти к аварийным шлюпкам. Повторяю. Прошу пройти к аварийным шлюпкам.

Двери каюты автоматически распахнулись, впуская из коридора вой сирены, всеобщую тревогу. Торопливые шаги, одиночные окрики.

На пороге появилась Наташа с перекошенным от испуга лицом. Или оно показалось таким в красноватом свете аварийного освещения?

– Ты чего расселась?! Не слышала, что ли – станцию взорвали?

2

Артём бежал по коридору, сталкиваясь со спешащими обитателями станции.

– Внимание, активирован протокол двенадцать, разгерметизация станции. Пройдите к аварийным шлюпкам, – вещал металлический голос. На полу мерцали красным стрелки, упираясь в матовые гермопереборки аварийных бортов.

После разговора с Кромлехом стало ясно только одно – началась игра, сведения о правилах которой до Артёма не донесли.

– Мне кажется подозрительной ваша активность в отношении курсанта Роговой. Что вас связывает?

Пауков старался держаться спокойно, не выдавая закипающее в груди подозрение. Он прекрасно понимал, что служба безопасности станции не чихнет самостоятельно без особого разрешения директора академии. Тем более не станет обыскивать каюты участников закрытого проекта.

– Вы в курсе всей моей, как вы выразились, «активности». Курсант Рогова – обладатель генетических характеристик, требуемых для навигатора «Фокуса». А с сегодняшнего дня,

после успешного проведения тестовой диагностики и подтверждения прогнозов – участник эксперимента.

– Не мелите чепуху, Артём Геннадьевич, мне известно о ваших забегах к её каюте и тайных свиданиях!

Артём побелел:

– Вас-то это каким боком касается? На каких основаниях за мной установлено наблюдение?!

Директор выкатил рыбы глаза, шея покрылась малиновой сеткой прожилок:

– Меня касается всё, если речь идет о секретном проекте или его участниках! И если мне будет нужна информация о количестве использованной в туалете бумаги, вы мне предоставите её!

Пауков иронично усмехнулся:

– Пойдите, а с каких пор моему проекту присвоен гриф секретности? Вы вообще собирались меня об этом уведомить?

Он говорил размеренно, взвешивая каждое слово, представляя его этаким мячом, который он подбрасывал в руке. Полезная привычка, позволявшая сохранять разум холодным. Посмотрев в хмурое лицо всемогущего директора, Артём уточнил:

– Обыски в каютах сотрудников моей лаборатории тоже ваших рук дело? Или мне сообщить о произошедшем в процессуальную комиссию при Трибунале?

Кромлех побледнел. Мясистые губы дрогнули и растянулись в усмешке:

– Мой друг, не будем горячиться. Я дал команду Авле Адину проверить информацию о переданном тобой Роговой конверте. Видимо, он понял это по-своему и перестарался, – не моргнув глазом, соврал директор с самым невинным видом.

Артём чувствовал, как к нему возвращается самообладание. Кромлех явно опасался официальной огласки и внимания спецслужб.

– Не было никакого конверта. Я передал сумочку, забытую девушкой в кафе. У нас так принято.

Кромлех примирительно рассмеялся:

– Ну, вот видишь, как всё замечательно само утряслось. Прости меня, старого дурака, надо было сразу у тебя спросить. Ведь ты не стал бы мне лгать? – последняя фраза была произнесена тоном средневекового инквизитора. – Расскажи, как прошла диагностика. Я так хотел присутствовать, но надо уделять внимание членам приемочной комиссии, верно? Они – люди важные, капризы им свойственны.

Артём понимал, что, задавая этот вопрос, директор уже, вероятнее всего, знает на него ответ.

Не исключено, что в составе сотрудников лаборатории у него есть свои лазутчики.

– Я расскажу на заседании, – уклончиво отозвался Артём. – «Фокус» приготовил для вас сюрприз.

Директор похлопал юношу по плечу:

– Надеюсь, сюрприз окажется приятным, иначе...

Он не договорил.

Станция содрогнулась, расплескивая по извилистым коридорам грохот прогремевшего взрыва.

Взвыла сирена, раздались хлопки закрывающихся гермопереборок поврежденных взрывом секторов, ушла в карминно-красный инфосвязь с лабораторией.

Артём бросился туда.

3

– Аварийный борт М-0017 служит автономным спасательным средством, ориентированным на обеспечение безопасности пассажиров до прибытия спасателей, – пел металлический голос под потолком, в сотый раз как мантру повторяя один и тот же монолог. – Рекомендую оставаться на своих местах и сохранять спокойствие. В ближайшее время вам будут предложены напитки и лёгкая закуска.

Восемнадцать ребят, преимущественно землян, собрались вокруг круглой тумбы-информера, пытаясь разобраться, что происходит. Аппаратура не отзывалась, выдавая заранее заготовленный текст.

Наташа и Кирилл примостились в углу, на полу. Парень невзначай взял её руки в свои, поглаживая узкие ладошки. Наташа не реагировала. Казалось, она ничего не почувствовала – устала вперёд, в глазах застыла тревога.

Ульяна отошла к обзорному экрану-иллюминатору и устала в усыпанную звёздной пылью темноту поглотившего их космического пространства. Огромная станция Тамту светилась сине-голубым вдалеке. Девушка видела, как вокруг неё снуют ремонтные боты – небольшие катера патрульных и спасательных служб. Из покореженного взрывом стыковочного отсека, как из прокушенного гигантской акулой бока, торчали остовы изуродованных кораблей.

Слева и справа, как мыльные пузыри, подхваченные весенним ветром, мерцали другие аварийные борты в ожидании спасения.

Металлический голос под потолком вещал, не переставая.

– Может, его заткнёт кто-нибудь? – вздохнул клириконец со шрамом на руке и эмблемой техслужбы станции на форменном кителе.

– Это автоматика, – отозвались рядом, – она нас, типа, успокаивает.

Голос под потолком умолк на полуслове, и с приятным шелчком сменил текст:

– Аварийный борт М-0017 рад сообщить вам, что герметичность жилой зоны станции восстановлена, мы готовы к стыковке. Просим вас занять ваши места и соблюдать спокойствие. Напоминаю, что по возвращении на станцию, вам необходимо пройти регистрацию и следовать рекомендациям технических и патрульных служб. Покидать зоны проживания не рекомендуется. На станции введен режим ЧС, который будет действовать до его отмены начальником станции.

Шлюпка приблизилась к коричневому щербатому боку Тамту, мягко самортизировала подушками безопасности. Толчок. И вот уже механизм захвата сработал, притягивая к себе прозрачную полусферу с цифрами М-0017 на гладком боку. С шипением раскрылись шлюзы, выравнивая давление.

– Желаю вам всего хорошего, – оптимистично пропел механический голос.

Ульяна и Наташа направились к стыковочному шлюзу. Кирилл шёл чуть впереди.

Холл между гермопереборками охранялся: четверо патрульных в полной защитной экипировке с вооружением ожидали окончания выгрузки борта. Завидев рыжую голову Ульяны, они неожиданно пришли в движение. Преградив ей дорогу, ловко оттеснили девушку от Наташи и Кирилла.

– Эй, что происходит! – заорал Кир, прорываясь к ней.

Офицер выставил вперёд закованный в броню локоть:

– Прошу соблюдать спокойствие. Вашей подруге ничего не угрожает.

– Я никуда не пойду! – взвизгнула Ульяна, с силой вырываясь.

Профессиональный блок в ответ, запястья перехвачены и скручены за спиной:

– Приносим извинения за неудобства. Просим не оказывать сопротивления.

Слёзы брызнули из глаз. Она слышала возню слева – это Кирилл и Наташа пытались её отбить. Слабый писк Наташки:

– За что? Она же ничего не сделала!

– Вашей подруге ничего не угрожает, – повторил всё тот же голос. – Прошу прекратить сопротивление.

Второй офицер, ослабил хватку, помог девушке распрямиться и подтолкнул к выходу. Девушка беспомощно оглянулась на друзей.

– Курсант Рогова, вам надлежит пройти с нами, – за опущенным забралом на мгновение расширились зеленые рептилоидные глаза.

4

Её вели пустынными коридорами всё выше. Они уже давно миновали сектора, занятые факультетом сенсорной навигации, не останавливаясь прошли мимо тренировочных блоков.

– Что происходит? Вы мне можете сказать? Меня в чём-то обвиняют? Что случилось-то? – Ульяна оглядывалась на сопровождающих, пытаясь выудить из них хоть какую-то информацию и на ходу вспоминая все свои возможные прегрешения, самым страшным из которых было самовольное путешествие в шлюпке типа аванта с Иваном Лапиным. Но это явно не в счёт.

Ноль внимания. Будто со стеной говорила.

Девушка резко остановилась:

– Я вот сейчас вообще не сдвинусь с места, пока вы мне не ответите, что происходит. Давайте, применяйте там свои протоколы...

Патрульные переглянулись. Ульяна с облегчением выдохнула: если бы она что-то натворила, то ей бы просто нацепили наручники или дали по шее. А эти, кажется, теперь не знают, что с ней делать. Команды на применение силы у них нет.

Вероятно, старший группы сопровождения подал голос: шлемофон его сильно искажал.

– У нас протокол 2112.

Ульяна нахмурилась, номера и коды нормативных документов ей ни о чём не говорили.

– Вам надлежит встретиться с начальником станции Кродо Тиамах и директором академии Космофлота Кромлехом Циотаном.

– Ого, – вырвалось у Ульяны, хотя в голове мелькнули другие междометия. – А зачем я им?

– Курсант Рогова, не усложняйте нам задачу, – в голосе старшего офицера послышалась просьба.

Креоник на его запястье мигнул зелёным, из динамика прошелестел недовольный бас:

– Гором, что там у вас? Почему стоите?!

Ульяна протяжно вздохнула и пошла вперёд.

«Лучше бы не спрашивала, – корила она себя, – сейчас ещё больше волнуясь, чем когда не знала».

Коридор неожиданно закончился небольшим просторным холлом, узкие прорези панорамных окон подсказывали – она оказалась под самым куполом площади Кроны. Дух захватывало.

Конвоир распахнул перед ней широкие белоснежные двери, подтолкнув Ульяну внутрь.

«Кабинет начальника станции», – догадалась девушка. Полукруглая комната из стекла и глянцевого пластика, светлые шторы на бесконечных панорамных окнах. Обширная переговорная зона давила своей белизной и минимализмом. В нос ударил резкий аромат трав. Ульяна шумно вдохнула, пытаясь понять, на что похоже. Сирень и майоран. Всё лучше тухлой рыбы.

– Милая, что вы там жметесь, – услышала она женский голос.

В углу, на низком диванчике уютно устроились двое: пожилой, начинающий полнеть мужчина-креонидянин исподлобья уставился белёсыми глазами, а его изящная соплеменница чуть склонила голову в приветствии. Белоснежные волосы собраны в тугий узел, серебристые глаза умело подведены, выделяясь на призрачно-молочном лице, мягкая улыбка играла на губах. Женщина похлопала по обивке дивана рядом с собой, приглашая присоединиться. На низком овальном столике стояли три чашки. В центре на кружевном подносе искрились белоснежные кубики рафинада, пирожные источали тонкий цветочный аромат.

– Простите, – Ульяна показала за дверь, на замерших офицеров. – Меня привели сюда... Зачем-то.

– Напугали, детка? – ласковый тон неумело прятал ледяную сдержанность.

Ульяна почувствовала фальшь и недоверие.

– Это я попросила, чтобы тебя нашли. Подойди ближе, дитя моё.

Ульяна осторожно приблизилась. Присела на край кресла напротив улыбчивой, как белая акула, хозяйки кабинета.

Креонидяне переглянулись.

– Меня зовут Кродо Тиамах, я начальник станции Тамту. А вот с директором академии господином Кромлехом Циотаном ты знакома заочно – именно за его подписью ты получила приглашение в нашу команду.

– Я так и поняла. Здравствуйте, – Ульяна кивнула.

– Как ты освоилась в академии? – Кродо придвинула к Ульяне чашку с дымящейся жидкостью цвета голубого топаза. – Угощайся, милая. Это угощение приемлемо для тебя больше знаменитого «Галактического прилива».

«Про кафе „Вивьен“, получается, знают. Следят?» – предположила девушка и покосилась на напиток, взяла в руки чашку, рассеянно покрутила в руках.

– Нормально, – произнесла вслух и вернула чашку на поднос. – Мне всё нравится. Рада, что оказалась на факультете сенсорной навигации.

Креонидянка удовлетворенно кивнула:

– Как себя чувствуешь после диагностики? Я слышала, господин Пауков тебя долго мучал...

– Нет, вас неправильно информировали. Всё в порядке.

Кродо холодно улыбнулась:

– Твои данные говорят, что ты – уникальный сенсоид. Ты большая находка для всех нас. Хотя, в прочем, ты, наверное, и сама уже это знаешь. Руководитель лаборатории генной инженерии Пауков в свою команду других и не берет, – вкрадчиво добавила она и покосилась на Кромлеха.

– Нам нужна твоя помощь, – у директора академии оказался по-женски высокий голос, идущий в разрез с его брутальной и неприветливой внешностью. Ульяна сглотнула, чтобы не улыбнуться.

– То, что произошло час назад – не учебная тревога. На станции произошла диверсия. Похищен посол дружественной Единой галактике планеты, господин Намбул. Злоумышленниками повреждены корабли сопровождения, но нам удалось зафиксировать точку промежуточной транзакции преступников. Необходимо, чтобы вы направились в точку переброски и либо задержали преступников, либо сообщили нам о следующей точке переброски.

Ульяна поймала себя на мысли, что глупо улыбается:

– Вы шутите, да?

Кродо кольнула девушку холодным, как копье Лонгина, взглядом:

– Вы всерьез считаете, что директор академии Космофлота и начальник станции вызвали первокурсницу Рогову Ульяну, чтобы разыграть?

– Вот, и я о том же. Первокурсница, – девушка развела руки. – Я не умею ещё ничего. Какая к чёрту транзакция?! Вы о чём вообще?

– Не ведите себя как идиотка. У нас в распоряжении только одно судно в рабочем состоянии, навигатором которого по несчастливой случайности вы оказались. Мы бы с удовольствием препоручили ответственное дело опытному навигатору. Но к «Фокусу» подсоединены вы, вот в чём ирония, – Кромлех презрительно хмыкнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.